

Марта Оболенская

Давайте петь вместе

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марта Оболенская
Давайте петь вместе

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Оболенская М.

Давайте петь вместе / М. Оболенская — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Кому верить: другу или возлюбленной? Что важнее: любовь или предназначение? Молодой музыкант дает неправильный ответ на эти вопросы и навсегда теряет женщину, которую любит. После её смерти ему ничего не остается, как посвятить себя творчеству, но музыка, которую он создает, разрушает и его, и других. Отказ от сцены и публичной жизни приносит облегчение. Но вдруг судьба даёт второй шанс, и через 20 лет на пути уже состоявшегося музыканта появляется та, которая когда-то его оставила. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвёртая	19
Глава пятая	21
Глава шестая	25
Глава седьмая	33
Глава восьмая	36
Глава девятая	42
Глава десятая	48
Глава одиннадцатая	51
Глава двенадцатая	54
Глава тринадцатая	58
Глава четырнадцатая	63
Глава пятнадцатая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Часть первая

Глава первая

– Ты посмотри, какое солнце! – умышленно громко воскликнул Стас, закидывая сырое после душа полотенце на плечо. – Вставай, Влад. Сколько можно дрыхнуть!

Шестнадцатилетний парнишка с голым торсом подбежал к постели брата и принялся усердно тормошить его. Влад промычал что-то нечленораздельное и неопределённо махнул рукой, зарывшись носом глубже в подушку.

– Просыпайся, соня, – не отставал Стас. – Уже одиннадцатый час.

Влад наконец открыл свои заспанные смоляные глаза и приподнял взъерошенную голову. У него были выющиеся необычайно тёмные волосы и парадоксально светлая, словно мраморная, кожа. Слипшиеся ресницы и мешки под глазами, распухшие ото сна губы и полоска на левой щеке – отпечатавшаяся складка наволочки – обезображивали его благородное лицо. Но даже в таком неприглядном внешнем (да и внутреннем) беспорядке, который посетил Влада нынешним утром вместе с похмельем, он выглядел не менее привлекательно, чем обычно, когда находился в бодром расположении духа, свежий и выбритый, словно полковой офицер.

– Вот бесёныш, – с нескрываемой досадой протянул Влад, высунув ноги из-под одеяла, и обиженно посмотрел на брата. – У меня башка – по швам, а ты тут со своим солнышком.

– Пить надо меньше, – ехидно улыбнулся довольный Стас и запустил в брата полотенцем.

– Умоюсь – уши надеру, – пригрозил Влад, неловко поймав скомканный снаряд.

– Мне не пять лет, Влад, могу и сдачи дать.

Влад не ответил. Он зашёл в ванную и, включив воду, сунул пылающее лицо под холодную струю. Стас застыл в дверном проёме, сложив руки на груди. Он был здорово похож на брата. Такой же высокий, темноволосый и черноглазый. Только, в отличие от Влада, у него не было столь неистово соблазнительной и пробуждающей нездоровый интерес у женщин ямочки на подбородке. И в силу своего юного возраста лицо Стаса ещё сохраняло женственно-нежные очертания: чуть заострённый нос и немного выдающаяся вперёд, словно у капризной барышни, нижняя губа. Однако же ещё не совсем лебедь, но уже и не гадкий утёнок Стас готовился стать опасно привлекательным мужчиной, способным потеснить брата на его королевском престоле, воздвигнутом фанатичными особами.

– Тебе звонил Сашок, – Стас оперся на дверной косяк и с усмешкой посмотрел на измученного радостями зелёного змия брата.

– Уже? – удивился Влад.

– Наверное, он пришёл домой в лучшем состоянии. Хотя, – Стас насмешливо хмыкнул. – Может, и нет. Он просил посмотреть его перчатки в твоих шмотках. Наверное, забыл их у какой-нибудь девицы.

– Какой девицы? – переспросил Влад, засовывая в рот зубную щётку и морщась от внезапной боли в голове.

– Да шут вас знает, – пожал плечами язвительный мальчишка. – Вы вчера каких-то девах подцепили. Полночи где-то провели, а потом перчатки ищите. Спасибо мать не слышала, когда ты пришёл, а то точно бы тебе досталось. А утром ей было жаль устраивать тебе головомойку. Ты спал крепким сном здорового сытого младенца. Вот она и сжалась над тобой. Хотя, будь на твоём месте я, она бы не постеснялась и, не задумываясь, подняла бы меня с постели, чтобы накормить порцией своих нравоучений. Но ты – это, разумеется, другое дело, тебе прости-тельно, у тебя, в отличие от меня, есть голова на плечах, – не без издёвки заметил Стас, внутренне радуясь каждому произвольному стону, вырывающемуся из недр мучимого жестоким

похмельем Влада. – А ведь это не я шляюсь по ночам неизвестно где и напиваюсь как свинья. И это не я затянул январскую сессию до середины весны, вскользь заметил Стас и, театрально вздохнув, добавил: – Но ничего не поделаешь. Наша мамочка тебя любит больше. А мне остаётся только смириться и принять удар судьбы на себя.

Он, разумеется, иронизировал и паясничал. Он не ревновал мать к брату, хотя она действительно относилась к Владу с большим трепетом. Несмотря на то что он был старшим сыном, она обращалась с ним, как с ребёнком, потакала всем его капризам и старалась оправдать его далеко не всегда образцовое поведение.

Да, Маргарита Аркадьевна Воинова, мать двух практически взрослых мужчин, безмерно обожала своего первенца, и самое главное никогда этого не скрывала. Но это обстоятельство никоим образом не нарушало семейной гармонии. Младший Воинов умудрялся сохранять любовь к матери и брату, избегая ревности и обид. Он не завидовал Владу и уж тем более не мечтал оказаться на его месте. Это была слишком приторная, навязчивая и оттого тягостная любовь, которую сам Влад не без удовольствия мечтал с себя скинуть, но не смел из-за безграничного уважения к любящей его матери и в целом женщины чудесной и удивительной.

Эмоциональный монолог брата был благополучно пропущен Владом мимо ушей. Весь он сконцентрировался на своей неуёмной головной боли, неизменно усиливавшейся при каждом движении.

Однако же не все слова брата ушли в пустоту. Кое-что отсеклось и задержалось в воспалённом и изуродованном за ночь сознании Влада. Кое-как обмозговав пафосную реплику Стаса о неизбежных ударах судьбы и сделав по этому поводу собственные и совершенно не относящиеся к теме разговора выводы, Влад горестно изрёк:

– Господи, мне уже двадцать лет, – он в очередной раз сморщился, застонал и с отвращением выплюнул в раковину горьковатую на вкус и нестерпимо пахнущую мятой пасту. – Я сдал все зачёты и закрыл-таки, наконец, эту долбанную сессию. Неужели я не могу устроить себе маленький праздник!

Стас тяжело вздохнул, мечтательно подумав о предстоящих выпускных экзаменах в поднадоевшей за десять долгих лет школе. Статус студента представлялся младшему Воинову чем-то загадочным и многообещающим в отличие от унижительного для шестнадцатилетнего юноши звания школьника.

Раздался звонок в дверь. Стас бросился открывать, в то время как Влад отправился на кухню с явным намерением позавтракать. В коридоре послышался голос Сашки, того самого, что уже успел переговорить с утра пораньше со Стасом и пожаловаться ему на пропажу перчаток.

У Сашки были белокурые волосы и озорные голубые глаза. Нос у него был от природы прямой, но в связи с бурным отрочеством Александра приобрёл едва заметную горбинку чуть ниже переносицы. Горбинка его не портила, скорее наоборот – придавала Сашкиному лицу оттенок благородной греческой знати. Ростом эллинский паяц немного превосходил Влада, безалаберностью тоже.

Сашка скинул кожаную в заклёпках и слегка потёртую (как у всякого уважающего себя рокера) куртку, нацепив её на крючок в коридоре, и завалился на кухню.

– Ты посмотри, что я нашёл у себя в кармане, – Сашка выложил на стол кучу бумажек и с превосходством посмотрел на друга. Календарики, салфетки, аккуратно вырванные из миниатюрных блокнотиков листочки, очаровательно пахнущие духами, – все они были исписаны номерами телефонов и пестрели многообразием женских имён.

– Офигеть, усмехнулся Стас, заявившийся на кухню.

– Интересно, какой из них телефон той цыпочки, у которой я забыл перчатки, – озадаченно пробормотал Аполлон-Сашка, почесав свою взъерошенную макушку.

– Плюнь ты на это, – Влад налил себе чашку кофе и отрезал солидный кусок колбасы. Но не успел он поднести его ко рту, как тошнотворный ком подкатил к горлу. Влад отдернул руку с колбасой, на мгновение прикрыл глаза и поспешно сглотнул.

– Ладно, теперь всё равно, – согласился Сашка. Он придвинул стул и сел на него, вытащив из кармана пачку сигарет.

Влад услужливо подставил ему пепельницу.

– У меня созрела новая песенка про эту белгородскую шлюшку, – улыбнулся Сашка озорной улыбкой, заговорщически посмотрев на Влада.

– Ты думаешь, я помню, о ком ты говоришь? – недовольно пробурчал Влад, потому что залпом осушил чашку кофе, и ему пришлось вставать, чтобы снова её наполнить.

– Ну, та, – неопределённо махнул рукой Сашка, щёлкнув дорогой импортной зажигалкой, тайно позаимствованной у отца. – Она ещё хвасталась, что способна на любое извращение, – Сашка наклонился вперёд и тоном, каким говорят самые важные тайны, сообщил: – Кстати, она не соврала.

Стас идиотски заулыбался. Краска залила его молодое, но при этом тщательно выбритое лицо, и бурный поток фантазий ласково защекотал его юношеское воображение. Влад бросил на него сердитый взгляд, и Стас быстро проглотил свою кошачью улыбку.

– Ты знаешь, продолжил Сашка, задумчиво крутя тлеющую сигарету в красивых длинных пальцах. – Я никак не могу подобрать музыку. У меня уже руки устали на клавиши давить. Всё утро промаялся, – пожаловался голубоглазый бог, нахмурив свой безупречный лоб.

– Ты занимался этим всё утро?! – Влад чуть не поперхнулся от удивления.

– Просто у меня было такое состояние, – как-то виновато ответил Сашка. – Мне хотелось написать что-то гениальное. Просто родить хотелось эту песню, – он даже в сердцах хлопнул кулаком по столу, чтобы доказать серьёзность своих намерений. – Когда мы станем знаменитыми, я буду вспоминать этот день, то есть ночь, и смеяться над ней. Такого глупого состояния у меня никогда в жизни не было.

– Ещё бы, – Влад кое-как справился с бутербродом. Его состояние, а соответственно и настроение, порядком улучшилось, и теперь, будучи практически в своём обычном расположении духа, Влад схватил сигарету и незамедлительно закурил. – Прокувыркаться полночи с какой-то курвой, а оставшуюся половину писать ей песню.

– Чёрт, – мечтательно произнёс Сашка, пропустив мимо ушей замечание друга. Он сладко улыбнулся, и глаза его похотливо заблестели. – Скоро окончательно потеплеет. Ты представляешь, что начнётся! Девчонки просто будут предлагать себя на каждом углу, просто стелиться будут, как скатерти-самобранки.

Говоря это, он многозначительно жестикулировал. Он даже слова не мог сказать, не приправив его каким-нибудь жестом. Его красноречивые руки говорили ярче и выразительнее слов. Сашка был очень эмоциональным, вульгарным, романтичным, музыкальным. Влад иногда задавался вопросом: а что было бы, если бы он послушал мать и поступил в медицинский институт? Тогда бы он точно не встретил этого неугомонного Сашка. Тогда бы уж точно не было этой красочной, непредсказуемой, неординарной жизни. Тогда бы уж точно он не взялся за гитару...

Разумеется, это не Сашка научил играть Влада на этом дивном инструменте балконных серенад. Более того, Сашка понятия не имел, как нужно играть на гитаре, и мог изобразить лишь парочку примитивных аккордов – минимальный запас для дворовых посиделок. У Сашки была другая слабость – белоснежные клавиши с чёрными прожилками других более узких и коротких. Семь лет в музыкальной школе, гаммы, хор, сольфеджио и старые пластинки с концертами выдающихся классиков.

Для Влада знакомство с музыкой прошло в раннем, можно даже сказать сопливом детстве и длилось на два года меньше, чем для белокурого повелителя клавишных. Да ещё и хоро-

вых песнопений ему удалось избежать. Зелёный аттестат хорошиста он получил в одиннадцать лет, с облегчением вздохнул и без зазрения совести закинул его куда-то на антресоли вместе с миниатюрной гитарой, гриф которой к тому времени порядком обветшал и занемог. На том жизненном этапе Влад был очень далёк от музыкальной канители. Гитара, по его мнению, представляла собой лишь полую деревяшку и пучок рыболовных лесок с разным натяжением. Тем не менее черноглазый мальчишка с ямочкой на подбородке не мог не поглощать разнообразное творчество: он любовался картинами, читал серьёзные книги и предавался музыкальному опьянению. Он был созерцателем и дегустатором плодов чужого воображения и вполне довольствовался этой ролью.

Но знакомство с Аполлоном-Сашкой, а затем несколько совместных вылазок и походов с песнями у костра разбудили в нём прежде дремавший дух поэта и заставили задуматься о своём истинном предназначении. Влад до последнего дня был уверен, что только профессия инженера позволит ему в полной мере реализовать себя. Его сущностьдемиурга требовала немедленных и желательно самостоятельных действий. Но быстрого применения своей созидательной энергии Влад к глубочайшему сожалению не нашёл. Тут-то и появился неугомонный голубоглазый бес, в перспективе такой же инженер, как и Влад, но при этом тайный поклонник Эвтерпы¹. Он убедил старшего Воинова не прятать в себе дух созидателя, а выпустить его наружу. Ведь творить можно не только материальное, но и метафизическое.

Будучи по своей природе романтиком, Влад поддался. Уговорил родителей купить новую гитару и с тех самых пор ушел из мира вещественного в обворожительный мир музыки. Трудно сказать, обрадовался ли этот мир пришествию нового творца, однако же своего новоявленного пасынка он отпускать не стал, пожелал придержать подле себя, наградив раболепного, как выяснилось впоследствии, трагическим бессмертием.

Дело было сделано. Греческий бог и кареглазый паладин из свиты чарующей Эвтерпы заключили союз, закрепив его безрадостным гимном, самолично сочиненным. Этот безобразно вульгарный, скабрёзный, преисполненный юношеским максимализмом и склонностью к софизму гимн лейтмотивом пронёсся через всю их совместную жизнь. И хотя в дальнейшем они никогда не играли это корявое и далеко не совершенное сочинение, оно предопределило их дальнейшую судьбу, стало зловещим фундаментом их творческого образа.

– Тебя не хватит на всех, – сказал Стас, возвращаясь к разговору о женщинах, так мучительно терзавших его воспалённое похотливыми мыслями сознание.

– Я поделюсь с тобой, – благосклонно ответил Сашок, преисполненный чувством собственного превосходства. – Тренируйся пацан.

– Я ему так натренируюсь, – сердито пробурчал Влад, выпуская дым под потолок. – Поступит в институт, тогда пусть тренируется, сколько влезет, – нравоучительно добавил он, распираемый отеческой суровостью. – Тоже мне, кот мартовский.

– Кстати, – вспомнил Аполлон и моментально оживился. – Сестрички-близняшки приглашали нас к себе на чай, – Сашка заговорщически улыбнулся. – Помнишь?

– Только не к ним, – протестующе замахал рукой Влад, вновь поморщившись, только теперь уже не от головной боли. – Эта гидроперированная дура заявила, что хочет от меня ребёнка, – Влад потушил сигарету в пепельнице и поставил грязную посуду в раковину. – Я в такие игры не играю. А то вдруг сотворит ещё что-нибудь. Я жениться не собираюсь и своё безоблачное холостяцкое счастье никакой дрянью омрачать не хочу.

– Ладно, – Сашка докурил и поднялся. – Давай одевайся. У нас ещё репетиция. Заодно решим, что делать с этой песней. И ещё гитару надо настроить. Короче, собирайся быстрее.

– Я с вами, – вмешался Стас.

---

¹ Эвтерпа (гр.) – одна из девяти муз, покровительница музыки.

Влад недовольно насупил брови. «Лаборатория музыки», как Влад и Сашок частенько называли гараж Сашкиного отца, где они собирались для репетиций, была их интимным, сокровенным, скрытым от посторонних глаз убежищем, где помимо музыкального тренинга совершались не менее приятные, но в значительной мере неприличные деяния. Стас, будучи молодым и горячим, считал своим долгом и святой обязанностью принимать участие во всех этих студенческих оргиях, умело замаскированных под музыкальное подбострастие.

Но сегодня был не тот день. Как бы это ни было банально, но именно музыкой собирались заняться два без пяти минут инженера, халявщики по натуре и ловеласы по призванию.

Стас это понимал, а потому рвался в «лабораторию» с утроенной силой. В отличие от своего брата, ещё до конца не определившегося в жизни, Воинов-младший был стопроцентно уверен, что его будущее будет напрямую связано с музыкой и только с ней. В своих грёзах он представлял себя великим гитаристом, жадно ласкающим лаковый гриф. Правда, даже элементарного музыкального образования у будущего гитариста всех времён и народов не было, но Стаса это обстоятельство ничуть не смущало, и он с завидным упрямством четвероногого ушастого животного рвался к славе. То есть пока в гараж.

Маленький музыкант смотрел с надеждой на старшего брата и ждал его снисходительного согласия. Влад артачился и усердно демонстрировал возмущение.

– Да ладно тебе, Влад, – прервал затянувшееся молчание Сашка и хлопнул друга по плечу. – Пусть идёт с нами.

Глава вторая

– Рок жил, рок жив, рок будет жить вечно, – прочитала Настя из окна слова неизвестного фаната, расписавшего незамысловатым лозунгом стену старого кирпичного дома. Слово «вечно» было трижды подчёркнуто и неоднократно обведено. – Как ты относишься к этой мании?

Последние слова были обращены к Дарье, в комнате которой Настя находилась среди книг, энциклопедий и старых отечественных кукол с длинными ресницами и некогда выщипанными маленькой Дашенькой волосами. Впрочем, куклы ещё выглядели достойно. Буйное детство неугомонной Настёны оставило в наследство её детям только большого коричневого медведя, правда, без носа и с оторванной лапой. Помимо кукол, здесь ещё находился новый диван, большой и чертовски удобный, письменный стол из чёрного дерева с настольной лампой, самодельные стеллажи для бесчисленного количества литературы, старая картина на стене с изображением деревни, большое зеркало, платяной шкаф с покосившейся дверцей и облупившимся лаком.

Дарья лениво поднялась с мягкого и светлого в крупных цветах дивана и выглянула в окно.

– Это уже превращается в навязчивую идею, – неодобрительно покачала она своей хорошенькой благоразумной головкой. – Испоганили весь город. Рок, конечно, штука неплохая, но рано или поздно умрёт, как и всё в этом мире.

Вопрос был исчерпан. У двух молодых девушек есть куда более приятные темы для разговоров. Какое им дело до необузданного фанатизма, опьяненных наркотическим дымом музыки и зомбированных ею молодых умов? Да и какое им дело до этой неосязаемой, нематериальной, а потому совершенно бесполезной музыки?

Настя отошла от окна и вызывающе хлопнула себя по женственно-упругим и оттого нежно-соблазнительным для мужского глаза бёдрам.

– Ты ничего не сказала о моих новых джинсах, – требовательно-капризно сказала Настёна, хмурым взглядом окинув подругу. – Только не говори, что они тебе не понравились. Я их выпрашивала больше месяца и потратила немало нервов, прежде чем предки пошли на уступки.

Она хотела казаться современной и поэтому часто использовала жаргон, хотя при этом гордилась тем, что учится в институте, в достаточной степени владеет нормами русского языка, да и вообще является способной и перспективной студенткой.

– Джинсы – супер, – уныло пробормотала Дарья, бросив взгляд на узкие голубые джинсы подруги, идеально подчёркивающие изгибы её безупречной фигуры. – Мне о таких только мечтать.

– Мамаша из Москвы привезла, – по-детски хвастливо заявила Настя, кокетливо подмигнув подруге. – И пусть теперь берегутся парни. Если мы выйдем на охоту, а мы непременно выйдем, как только выглянет солнышко, то уж точно без добычи не останемся.

– Врёшь, как дышишь, – вздохнула Даша, вяло улынувшись. – Куда мне с моими костлявыми коленками охотиться?

– Брось, – Настя обняла подругу за шею. – Мы же самые красивые девушки в городе.

В принципе, Настя была недалеко от истины и если даже преувеличивала, то только немного. Сама она была жгучей брюнеткой с карими глазами и смуглой кожей. У неё были пухлые губки, капризный вздёрнутый носик и отличная фигура. Дарья уступала подруге. Девушка была слишком худа и нездорово бледна, светловолоса и невзрачна, Впрочем, её изумрудные выразительные и грустные глаза затмевали недостатки несовершенного тела и вносили в её

внешность ту неповторимость, которая позволяла причислить Дарью к разряду привлекательных девушек.

К слову сказать, божественная Настя считала подругу единственно возможной конкуренткой за звание красавицы. Остальных представительниц женского пола Настя вообще не воспринимала, относилась к ним с очевидным пренебрежением с высоты своего превосходства. Любая встречающая девушка вызвала в ней эмоций не больше, чем ползущий по кафельной стенке полудохлый таракан (такой мерзкий, но теперь уже совершенно безвредный жучок!). Возможно, поблажки в адрес Дарьи были результатом того, что сама Даша чужих парней никогда не отбивала, а на потенциальных кавалеров Насти даже не заглядывалась, да и вообще, слыла девушкой неприлично образцовой.

Вероятно, она была из разряда тех благородных девиц с чистыми помыслами и добрым сердцем, которые жалеют каждую букашку и мысленно держат за руку внутреннего бога. А возможно, она просто ждала своего мифического принца и свято верила в то, что он непременно примчится за ней на белокрылом пегасе и унесёт далеко-далеко в неведомые и безоблачные дали.

Маловероятно, чтобы она обо всём этом серьёзно думала. Не теми мыслями забиты головы прелестных двадцатилетних барышень, обитающих в развалившейся, но ещё не совсем сгнившей в капиталистическом вакууме советской системе.

Она мечтала сделать головокружительную карьеру. Она хотела стать большим учёным с громким именем, принимать участие в археологических раскопках и приоткрывать завесу магической и притягательной истории. Она любила копаться в прошлом, и это её интересовало больше, чем серое настоящее и неопределённое будущее.

У Настёны были другие интересы. Тряпки, шмотки, платица, сарафанчики, сумочки, колечки... О да, она была истинной дамой. Она была порочна в мыслях и невинна в поступках. А ещё она с безумной фанатичностью хотела выйти замуж, что, в общем-то, не возбранялось, но вызывало у преданной Дашутки приступ снисходительного сочувствия.

Светловолосая фройляйн неоднократно пыталась объяснить подруге, как это неблагоприятно выходить замуж в свои неполные двадцать лет, как это безрассудно разбазаривать свою молодость, свою энергию, свой потенциал! Как это неблагоприятно и непростительно скидывать их в ненасытное горло семейного быта!

Но смышлёная Настёна в глубине души понимала, что за пафосом этих громких слов скрывается до смешного банальная и оттого ещё более грязная житейская притча. Она легко объясняет тот факт, почему Дарья сторонится разговоров о замужестве, почему избегает серьёзных отношений и долго присматривается к молодому человеку, прежде чем впустить его в своё личное пространство. Вульгарная и некрасивая история трёхлетней давности, жестоко обезобразившая жизнь некогда беспечной советской школьницы, а ныне – суровой студентки-историка, до сих пор давала о себе знать, пробуждая внутри вихрь жгучих воспоминаний, тоску по собственной наивности.

Он был сыном профессора, многоуважаемого человека, избалованный мальчишка, бессовестно ею воспользовавшийся. Самым ужасным для неё было то, что он не просто надругался над её невинным свежим телом, а осквернил и растоптал её чистые, искренние и доверчиво светлые чувства. Чувства, не испорченные ложью, горечью предательства или человеческой похотливостью. Она была кристальна, а после закрылась ото всего мира и ушла с головой в благословенное вчера, чтобы не видеть это убогое сегодня и непристойное завтра.

Девушки высунулись наполовину из окна и предались перекуру. Это была нехорошая привычка – предвестник эмансипированного общества. Они были взрослыми девочками, а потому курили много и красиво. Но родители, разумеется, об этом не знали, тщательнейшим образом от них скрывалось, как и многое другое, о чём родителям знать не положено.

– Противная Мартыновская решила затравить нас очередью коллоквиумов, – мрачно заметила Дарья, по-мальчишески сплёвывая в окно. – Вашу группу она пока ещё жалеет.

– С меня хватило «Русской Правды» в оригинале, – пожаловалась обольстительная Настёна, улегшись животом на подоконник. – У нее, наверное, климакс разыгрался. Заржавевшая старая дева! Все они такие – одинокие желчные бабы, отвергнутые мужиками, злые, гадкие, мстительные и завистливые. Если бы я была врачом, то обязательно прописала бы ей постельный режим. И в данном случае слово «постельный» имеет переносное значение, – Настёна глумливо улыбнулась.

Дарья с упоением втянула в себя табачный дым. Ещё пара минут, и кареглазая Цирцея² заведёт разговор о замужестве. Данная перспектива Дарью никоим образом не устраивала. Ей хотелось покоя, ей хотелось умеренно-аристократических бесед, укутанных шлейфом последних сплетен, или на худой конец, мучительно-нудный диалог о политике, о сложностях нынешней обстановки. Она была готова говорить на любую тему, даже о музыке, в которой ничего не понимала и в которой видела только лишь посредственный аккомпанемент, разбавляющий местами неловкую тишину. Она могла говорить о чём угодно, но только не о замужестве.

Однако же Дарья ошиблась. Или же Настёна оказалась чересчур прозорливой, чтобы не начать неловкого разговора.

Настя выкинула окурок в окно и села на подоконник, сложив свои смуглые ручки на сжатых коленях.

– Мне Славка звонил, – нейтрально сообщила она. – Хочет встретиться.

– Он же тебе не нравится, – так же нейтрально с налётом высокомерного безразличия ответила Дарья, удивившись тому, что беседа не пошла в торжественном русле свадебной церемонии.

– Ну, если нет другого варианта, – равнодушно пожала плечами кареглазая фея. – Он обещал притащить друга для тебя и сводить нас в какую-то забегаловку, вроде бы в кафе. Может, даже и приличное.

– Потрясающе, – фыркнула Дарья, презрительно сморщив свой веснушчатый носик. – Он собирается ликвидировать меня при помощи какого-то неизвестного типа, наверное, ещё хуже, чем он сам. Никогда ещё не встречала подобного убожества. А ко всему прочему он ещё и невероятный урод. С ним даже стыдно пройти по улице, безапелляционно заявила Даша, грозно сплёвывая на асфальт.

– Я и не собираюсь с ним ходить, – обиженно заметила Настя, предусмотрительно защищаясь. – Просто храню его на чёрный день.

– Это будет самый чёрный день, который только можно себе представить, нечто вроде атомной войны, – съехидничала Дарья. – Когда из живых останутся только тараканы, а все грешники спустятся в ад. Тогда-то наша Стаська достанет из укромного местечка припрятанного на чёрный день Славика, чтобы вдоволь им полакомиться.

– Так что, отказаться? – мрачно поинтересовалась Настёна, не разделив чёрного юмора подруги.

– Это твоё дело, – Дарья докурила и, немного проветрив комнату, закрыла окно, спихнув лучезарную кокетку с подоконника на пол. – Просто я не хочу портить себе настроение и целый вечер изучать физиономии идиотов, а что ещё хуже – слушать из бессвязную трепотню.

– Ну, и как ты предлагаешь нам развлечься?

– Получим стипендию и сами сводим себя, куда захотим.

– Ладно, – неожиданно легко согласилась Настя, которая жизни не представляла хотя бы без какого-нибудь завалящего кавалера. – Раз уж ты так хочешь.

---

² Цирцея (гр.) – волшебница, превратившая в свиней спутников Одиссея.

– Меня пугает твоя сговорчивость, – добродушно заметила Даша, обласкав тёплым взглядом свою знойную подругу. – Ты ведь так просто своего мнения не меняешь.

– О да, мой друг, – загадочно протянула Настя, хотя Даша сразу поняла, что вся эта загадочность – блеф, и за ней ровным счётом ничего не кроется. – Я даже помогу тебе с историей, чтобы эта грымза Мартыновская не впала в соблазн и не подпортила тебе зачётку.

Дарья собрала свои длинные светлые волосы в «пучок» и села за письменный стол, на котором громоздилась непреодолимая гора учебников.

– Не беспокойся, – мягко улыбнулась Даша, слегка продемонстрировав подруге свой хищный белозубый ротик. – Опыт общения с вредоносными старыми девами у меня имеется. Но раз уж ты предлагаешь свою помощь, то я отказываться не буду. Советую сию же минуту начать. Нам некогда прохлаждаться – времени в обрез, – командным голосом сказала Даша, незамедлительно погружаясь в ужасающего вида том с потрепанной обложкой.

Настя покладисто села на диван и с выражением мировой скорби на лице приготовилась слушать. Честно говоря, она рассчитывала на то, что подруга от её помощи любезно откажется.

Глава третья

Как бы ни хотелось пропустить из этого повествования все туманно-розовые сцены, приправленные томными вздохами, бессонными ночами, напрасно пролитыми слезами и бурными фантазиями, вызывающими изнурительное напряжение внизу живота, но это невозможно. В таком случае вся история теряет глубинный смысл. Миром правит любовь. Любовь к жизни, любовь к себе, любовь к матери, к Родине, к свободе, к ребёнку, любовь между мужчиной и женщиной...

Любовь...

Страсть, уважение, презрение, раболепие, восхищение, тревога, умиротворение, страх, даже сама ненависть – всё это неизменные спутники или же производные интриганки-любви. А раз так, то избежать описания любовных томлений, хитросплетений, мук и прочей любовной чепухи не удастся. Не удастся ещё и потому, что именно из-за всей этой любовной пыли начались все те злоключения, впоследствии надолго омрачившие жизнь не только главных героев этой истории, но и других людей, не упомянутых даже вскользь.

На нужный лад Дашутка настраивала себя с утра. День не задался, настроение было на нуле. Ненавистная Мартыновская устроила взбучку всей группе. Её визгливый (несмотря на бочкообразную тучность престарелого тела) голос до сих пор ещё звенел оглушительным взрывом в отчаянно разрывающейся голове.

Даша взяла себя в руки. Напившись таблеток и приняв освежающий душ, она смиренно приступила приводить себя в порядок. Чёрным карандашом «нарисовала» глаза, придав им чуть раскосую кошачью форму. Гуталиновые ресницы завершили преобразование. Помадой она не пользовалась, впрочем, как и румянами, концентрируя всё неистовство своей привлекательности на зелёных с поволокой глазах.

Нет, всё-таки день сегодня начался определённо неправильно, и даже дивное отражение огромного во весь рост зеркала в родительской спальне не могло поднять суровой Дашутке настроения. Однако же в её сумочке грелась долгожданная стипендия, а в душе наивно теплилась надежда на то, что вечер вопреки плешивому и уродливому дню не будет угроблен.

Настя зашла в начале седьмого, и студентки наконец-таки выбрались на улицу. Ненасытная и всегда нуждающаяся в мужском внимании Настёна вызывающе покачивала бёдрами, обтянутыми в новые джинсы, и даже осторожная Дарья успевала постреливать чётко очерченными глазками. Впрочем, всё это было лёгкое и несерьёзное кокетство, небольшой тренинг перед показательными выступлениями. Весна пробудила в молодых мужчинах неподдельный интерес к противоположному полу и дала заряд энергии для предстоящих сражений. Всё это было очевидно, но не обнадеживающее, так как среди этих заряженных и готовых с первой же минуты признаться в любви мужчин не было ни одного мало-мальски приемлемого экземпляра. Ни одного, способного порадовать искушённый женский глаз, пробудить фейерверк чувств и сладкую истому.

Нынешние девушки стали слишком капризны, слишком разборчивы, привередливы и независимы. И чем разборчивей и независимей они становились, тем больше предъявляли претензий потенциальным кавалерам.

Довольные собой и счастливые от сознания собственного превосходства Настя и Даша – у которой к этому времени настроение уже изрядно поправилось – распахнули двери скромного и тихого местечка с красивым, непорочным и оттого несоответствующим этому вертепу названием «Лилия». В кафе было сумрачно и накурено, сизый дым дополнял картину интимности. Подруги выбрали самый отдалённый столик и благополучно за ним устроились, предварительно оглядевшись по сторонам (всё-таки они были благовоспитанными девочками, которым следовало избегать компрометирующих мест и сомнительного общества, а тем более –

курения и алкоголя!). Меню уже лежало на столе. Дарья решительно открыла страницу с перечнем крепких напитков.

– Может, водочки? – предложила она.

– А может, начнём с чего-нибудь полегче? – защebetала восторженно-пряным голосом Настенька.

Сошлись на красном вине и лёгкой закуске, состоящей из сомнительного салата и овощной нарезки.

Пока несли заказ, Дарья успела выкурить сигарету. Курила она быстрыми точными затяжками, как курит человек, измотанный, нервный, обеспокоенный, но ещё не совсем отчаявшийся и сохраняющий в глубине души своей надежду на светлое, хотя и неопределённое будущее.

– Я не видела никого, кто бы курил так редко, но такими колоссальными порциями, – неодобрительно, хотя и с уважением, покачала головой Настенька, рассеянно барабанила перламутровыми ноготками по не совсем свежей скатерти. – Скоро никотин польётся у тебя из ушей.

– А что делать? – флегматично заметила Даша, безжалостно растерев окурки по грязному металлу пепельницы. – Курить дома невозможно, если я не остаюсь одна. Хотя мне и девятнадцать, для родителей это ничего не меняет. Они никогда с этим не смирятся. Вот и приходится жить от затяга к затягу, глотать никотин лошадиными порциями и таскать в себе до полного рассасывания.

Девушка в чистом фартуке, грубая, но от этого не менее привлекательная, принесла заказ. Окинув клиенток нахальным взглядом бойкой пэтэушницы, она молчком забрала поднос и очень своевременно удалилась. Если бы она замешкалась ещё на несколько секунд, беспокойная и раздражительная (видимо, не совсем отошедшая от «Мартыновских пыток») Дашенька вполне была готова взорваться, перебить посуду, а затем, выкурив залпом оставшиеся сигареты под рукоплескания немногочисленных посетителей «Лилии», с позором убраться домой.

Пошаливают нервишки, Дашенька. Зеленоглазая нимфа предчувствовала беду – явный признак надвигающейся паранойи. Организму срочно требовалась алкогольная интоксикация. Неприятно дрожащей и неожиданно вспотевшей рукой Даша взяла бокал с вином, и её трепещущие губы коснулись стекла. Сладковатый напиток юркнул в недра её сумрачного тела и попытался его растормошить.

Настенька деловито отхлебнула, и неожиданно её раскосые глаза загорелись озорным огнём.

– В чём дело? – строго спросила Дарья, чувствуя, что за её спиной происходит что-то интересное.

– Там два таких субъекта! – понизила голос Настя, сделав ударение на слове «таких». – Мальчишки-зайчики, – она глупо хихикнула, прикрыв ладошкой розовый ротик.

Дарья шумно засопела, но от колкости воздержалась.

Настя элегантно закурила, не переставая улыбаться соседнему столику.

– Перестань строить глазки, – презрительно фыркнула Даша, острыми зубами вгрызаясь в неповинный салат. Дрожь её улеглась, беспокойство тоже отошло, однако же состояние оставалось прескверным.

– Какие очаровашки, – закатила глаза Настя, совершенным, как обработанный ювелиром алмаз, жестом откидывая назад челку. – Что один, что другой.

Она бессовестно рисовалась перед ними, что выходило у неё против собственного желания – исключительно благодаря природному кокетству.

Даша не выдержала и обернулась.

Блондин и брюнет. Очаровательные создания лет двадцати, на которые действительно можно было бы положить глаз. Дашутка не могла не оценить их обворожительности (о, в мире

осталось так мало красивых мужчин!), но для этого она была ещё слишком трезвая и неуместно благоразумная.

Пока зеленоглазая злючка уплетала салат, пачкаясь в майонезе и торопливо запивая всё это вином, Настенька усердно постреливала шоколадными глазками, хлопала пушистыми ресничками и совершала чудесные конфигурации дивными губками. Даша снисходительно игнорировала её непристойное кривляние, увлекшись застрявшей в зубах прожилкой говяжьего мяса.

Настя уже не удовлетворялась скупой мимикой лица, она была вынуждена пустить в ход все остальные части своего сладостно притягательного тела. Она ёрзала на стуле, трясая волосами, демонстрировала изгибы лебединой шеи и тонкость нежных запястий. Даша совершенно прекратила злиться. Неугомонная подруга её теперь не раздражала, скорее забавляла. Дарья задумчиво ковыряла зубочисткой во рту, с лёгкой иронией наблюдая за дурачествами Настеньки.

Первым не выдержал блондин.

– Не составите нам компанию? – лукаво улыбнулся он, приблизившись к чужому столу, с пафосом пряча руку за спину и делая джентльменский поклон. – Такие прелестные создания! Это, наверное, знак свыше. Мы с другом уже порядком окосели, пока наблюдали за вами, борясь с собственной застенчивостью.

Елейный голос Аполлона мгновенно пропитал воздух сладким сиропом.

«Дьяволёнок», – беззлобно подумала расслабленная Даша и, уловив в глазах подруги полную готовность растаять и прилипнуть к этому дивному, светлокожему, мутноглазому бесу, мстительно сказала, обращаясь непосредственно к молодому человеку:

– Некрасиво, товарищ, – она решительно и строго пресекла его игру, внутренне посмеиваясь над разбуряившейся Настей. – Мы сидим и никого не трогаем, а тут вы, видите ли, лезете со своим нелепым предложением.

Она удовлетворённо откинулась на спинку стула и моментально потеряла к белокурому бесу всякий интерес.

Настёна метнула в сторону Дарьи несколько убийственных молний, но та сделала вид, что не заметила разъярённого взгляда подруги.

Самоуверенный Сашка (а это именно он был тем нахальным блондином с бесовским взглядом) на секунду потерял дар речи. Наверное, именно с той зловещей секунды между ним и Дашей зародилась та самая роковая неприязнь, стоившая им впоследствии душевного благополучия. Впрочем, не только душевного.

Ущемлённое самолюбие греческого бога не дало ему отступить от притягательной добычи и тем самым избежать всех неприятностей, до которых теперь оставалось рукой подать. Эту белокурую ведьму с чёрным ободком вокруг зелёных глаз он неистово возненавидел с того самого мгновения, когда она впервые открыла свой рот.

Он был тем непревзойденным Александром, героем-любовником, бойцом, победителем, выше сил которого было отказаться от своей цели, несмотря на то, что сама ведьма встала на его пути. Но это ни в коей мере не могло умалить его желания сломать её магическую скорлупку и разметать по свету её жалкое сатанинское нутро.

В конце концов, он – Александр, Сашка, Сашок, у которого впереди грандиозное будущее, и эта бесовская шлюшка не имеет права попирать его общество. А кроме того, не из-за неё он подошёл к этому столу, не с её глазами он играл в умопомрачительный безмолвный пинг-понг и не её воздушные поцелуи ловил он, пока эта грозная бестия набивала своё ненасытное брюхо несвежей говядиной!

– А может, вы всё-таки подумаете, – приторно сладко улыбнулся Сашка, обласкав просветлённым взглядом шоколадную Настю. – Мы с другом скучаем, и вам, по-моему, было бы с нами веселей.

– Да! – выпалила Настенька, боясь, что подруга снова что-нибудь испортит, что-нибудь напорочит своим неконтролируемым языком. Впрочем, Даша ерепениться не стала. Она теперь уже была сытая и оттого раздобревшая, и ей так же не хватало мужского общества, как бы она того признавать не хотела.

Девушки перебрались за столик молодых людей.

– Давайте для начала познакомимся, – предложила воодушевлённая Настенька. – Анастасия, – она прижала наманикюренную ручку к соблазнительному изгибу груди.

– Александр, – с великосветской галантностью представился блондин и, небрежным жестом указав на друга, как на нечто незначительное и досадное, добавил: – А это Влад.

Воинов устало усмехнулся: снова Сашка пускает в ход своё кошачье обаяние.

– А как зовут твою подругу, Настенька? – опустив церемонии и тут же переходя на «ты», спросил Сашка.

– Дарья меня зовут, – отрезала Даша, которую почему-то стали раздражать суетливость беса-Сашки и глубоко покоренное состояние Настёны.

Девушка опять начала нервничать, и лёгкий озноб пробежал по пальцам её внезапно онемевших ног.

– Значит, за знакомство, – бодро сказал Сашка, бессовестно обнимая одной рукой трепетную спину Настеньки, а другой – спешно разливая водку.

Сашка быстро убалтывал сговорчивую Настёну. Разговор между Владом и Дарьей никак не клеился. Она была чужая и на контакт не шла, а он был увлечён своими проблемами и находился где-то очень далеко.

– Девушка, почему вы такая молчаливая? – Сашка отвлёкся от Насти, уже навечно ему принадлежащей. – Неужели наша компания настолько вам неинтересна? – он был в достаточной мере пьян, а потому вполне добродушен, хотя мелкопошибная ведьмочка его ещё продолжала раздражать.

– Александр, вы слишком самоуверенны, – тоном строгой учительницы заявила Дарья, за что получила пинок под столом от Насти.

– А разве нет причин? – вопросом ответил Сашка неожиданно серьёзным и трезвым голосом.

Дарья растерялась, и инициатива разговора тут же была перехвачена словоохотливой Настей.

– Не хотите покурить на свежем воздухе? – тихо предложил Дарье Влад, наконец-таки очнувшийся. – А то здесь уже дышать нечем.

Даша согласилась. Они вышли на улицу, оставив куртки в кафе. Влад угостил девушку сигаретой и закурил сам. Маленькая ведьмочка была чем-то озабочена, а он впервые за весь вечер удостоил её вниманием. Он с удивлением обнаружил, что она очень даже хорошенькая, хотя и сквозило от неё какой-то злобной неуступчивостью. Он внимательно посмотрел на неё, и первое слово, пришедшее ему на ум, после того, как его глаза её изучили, было «интересная». Она показалась ему странной, неординарной, болезненно отрезвленной. Впоследствии он скажет, что всё это глупости, на самом деле он просто влюбился. Влюбился почти что сразу, хотя долго себе в этом не признавался. Он считал, что любовь должна приходить как-то иначе, под грохот фанфар, пушечных выстрелов и вспышки красочных фейерверков, а не так вкрадчиво и незаметно, как это вышло у них с Дашей. Хотя, может, всё было совершенно не так, и это только он, жалкий дурак, ничего не понял.

– Не обижайтесь на Сашку, – добродушно сказал Влад. – Меня иногда тоже его поведение раздражает. Но он не всегда такой. Временами.

Даша понимающе кивнула и улыбнулась. Она была неприятно сухая и чёрствая, несмотря на то, что улыбалась кротко и тепло.

– Наши друзья скоро любить друг друга на столе будут, – сказала она, сильно затянувшись и щуря глаза от дыма, – а мы с тобой до сих пор на «вы».

– Ну да, – согласился Влад. Спокойная и естественная Дарья, без той наигранности, которую демонстрировали друг другу Настя и Сашка, ему симпатизировала. Всего лишь симпатизировала. Здесь и сейчас. Без каких-либо намёков на дальнейшие симпатии.

– Может, встретимся как-нибудь? – без особой заинтересованности предложил Влад, скорее даже для продолжения разговора. – При других обстоятельствах.

– Можно, – задумчиво протянула Дарья, рассеянно наблюдая за тем, как ветер путается в тёмных волосах Влада, играет с его выющимися локонами, целует их, гладит, согревает весенним дыханием.

Они сейчас, казалось, общались не друг с другом, а с каким-то неведомым «третьим». Оба бессовестно равнодушные, отвлеченные и совершенно друг друга не замечающие.

– Тогда нам стоит договориться сейчас: когда мы вернёмся туда, – Влад махнул рукой в сторону «Лилии» и криво усмехнулся, – нам уже не удастся этого сделать.

– У тебя есть телефон? – спросила Дарья.

– Да, – растерянно кивнул Влад. Обычно это он задаёт подобные вопросы, в крайнем случае девушки сами подсовывают свои телефоны.

– Давай я запишу, – Дарья по-мальчишески ловко зажала сигарету зубами и извлекла из сумочки блокнот и ручку. Влад продиктовал ей свой номер.

Дарья быстро начеркала заветные цифры и, бросив сигарету на асфальт, юркнула в кафе. Влад обескуражено пошёл следом за ней. Значит, свой телефон она давать не хотела, иначе не стала бы так поспешно ретироваться.

Когда они вернулись за столик, Настя и Сашка самым беззастенчивым образом целовались, не смущаясь присутствия публики.

– Нам пора, – Дарья бесцеремонно потормошила подругу за плечо.

Настя нехотя оторвалась от аппетитного Сашки.

– Уже? – пробормотала она, облизывая свои распухшие от поцелуев губы.

– Уже, – твёрдо ответила Дарья.

Настя больше не стала переспрашивать. Она тяжело вздохнула, как вздыхают дети, играющие в песочнице, завидев приближающуюся мать. Настенька схватила сумочку и куртку и, бросив на прощанье своему кавалеру зефирную улыбку, понеслась вдогонку за суровой, мрачной, чопорной (Боже, ну как же её можно было терпеть всё это время!) Дарьей.

Глава четвёртая

– Ты вела себя просто... просто... – Настя не могла подобрать нужного слова и в отчаянии заламывала руки. Её театрального возмущения и патетического отчаяния Дарья не разделяла. Она была не в меньшем возбуждении, чем её подруга, но только по совершенно иным причинам.

– А ты вела себя, как блядь, – бесцеремонная Дашутка, в отличие от подруги, слова подбирала резво, долго в своих словарных закоулках не копаясь. Она распахнула окно и протянула Насте сигареты, чтобы та покурила и успокоилась. – Как можно лезть целоваться к первому встречному!

– Во-первых, – тут же начала оправдываться Настя, машинально высовываясь в окно, – мы были подшофе, а во-вторых, он полез первым.

– И ты, конечно, не сумела отказать, – насмешливо заметила Дарья-злюка, перекинувшись парочкой красноречивых взглядов с Дарьей-язвой.

– А зачем? – искренне удивилась Настя. – Я хотела найти хорошую компанию, и я её нашла. Обидно только, – Настя плюнула с высоты пятого этажа и посмотрела на подругу сквозь прищур лёгкого осуждения, – что мы не успели обменяться координатами. А всё из-за тебя. Не могла лишних пять минут потерпеть, – брюзжащим старушечьим голоском проворчала Настя. – Таких мальчиков не на каждом углу встретишь. Нельзя ими разбрасываться.

– У таких мальчиков шалав вроде тебя предостаточно, – презрительно фыркнула Дарья, засунув в зубы сигарету и бессовестно теряя к своей собеседнице всякий интерес.

Настенька вспыхнула от возмущения и негодования. Её карие глаза налились багровой кровью, злобная гримаса исказила хорошенькое личико, а на её дрожащих ресницах заискрились бисерные слезинки.

– Ты не так поняла, – поспешила успокоить подругу Дарья. – Просто эти, как ты говоришь «мальчики-зайчики», до жути избалованы женским вниманием. Они думают, если девушка позволила поцеловать себя в первый же вечер, то во второй от неё можно ждать всего остального. Я не хочу, чтобы ты оказалась в такой ситуации, и не хочу, чтобы они думали, что ты одна из этих уличных девок, готовых ради них на что угодно.

– Отчасти ты права, – удручённо вздохнула Настя. – Но сейчас это уже не имеет никакого значения. Какое нам дело до того, что они о нас подумают, если мы их всё равно никогда больше не увидим?..

– Ну, мы можем позвонить, – невзначай пробормотала Дарья, усердно делая вид, что увлечена разглядыванием божьей коровки, растерянно суетящейся на пыльном карнизе.

– Ну-ка, ну-ка, – Настя легла животом на подоконник и заглянула подруге в лицо. – Что это вы от меня скрываете, милочка?

Дарья наигранно смущенно прикрыла глаза тыльной стороной ладони.

– Ну как же, как же, тургеневская девушка, – подыграла подруге воодушевлённая Настенька. – Скромная, застенчивая, но уже что-то разнюхавшая.

– У меня есть телефон Влада, – провозгласила Дашутка, кося глаза из-под растопыренной ладони.

– Свиристелка ты моя несчастная! – радостно завопила Настя, беззлобно шлёпнув подругу по её филейным выпуклостям. – Звони, звони быстрее!!!

– Дурочка, как так можно? – сморщила нос Даша, вновь принимая вид богобоязненной барышни из светского общества. – Надо выждать хотя бы пару дней.

– Какие пару дней! – Настя выкинула окурок и схватила новую сигарету. – Ты видела эти божественные голубые глаза? – она, эта маленькая заносчивая актрисочка, симитировала

неудачный обморок, который едва не стоил ей жизни – бедняжка в запале актёрского мастерства чуть не вывалилась в окно.

– Что ты мелешь? У тебя авитаминоз разыгрался, – попутно заметила Дарья, рывком возвращая неугомонную Настёну в вертикальное положение. – Парни как парни, ничего выдающегося.

Противоречить подруге ей нравилось до ужаса, как и изображать высоконравственную матрону. Однако же в её шаловливых, пропахших табаком ручках был телефон божественного Влада, который позволял ей беззастенчиво манипулировать Настенькой, этой добродетельной прелюбодейкой, нравственной блудницей, благочестивой гетерой, мечтающей лишь об одном – поскорее выйти замуж.

– Ну, Дашенька, – заныла Настёна, жадно глотая дым и всем своим жалким видом напоминая выброшенную на берег рыбу. – Этот Сашка просто кобель, я согласна, но он такой очаровательный! – она прикрыла ладошкой свой развратный ротик и возвела к небу хищные смоляные глазки.

– Да на его смазливой мордашке просто написано, что он ещё тот фразерок, который, – Даша понизила свой голос, дабы заострить на нужном слове своё внимание, – не терпит проколов!

– Но всё равно мы позвоним, – бойко и решительно сказала Настёна, похожая на розовощекого пионера, которым она успела побыть совсем немного.

– Мы?

– Ну да. То есть ты позвонишь и назначишь встречу Владу, а он, в свою очередь, притащит Санечку для меня, – просто объяснила темноглазая кокетка.

– Санечку, – мрачно передразнила Дарья и выкинула окурок в окно. – Докуривай быстрее, а то у меня мать скоро придёт.

Настя послушно выкинула сигарету, сделав напоследок пару затяжек.

– Ну, признайся, – Настёна сложила руки на груди и исподлобья посмотрела на подругу. – Влад тебе понравился, я же вижу, – она прищурила свои пытливые глазки. – Я слишком хорошо знаю тебя, поэтому можешь мне не врать.

Дарья села на диван, хлопнув себя по коленкам.

– Даже если так, то это ничего не меняет, – сказала она, сохраняя бесстрастное выражение лица.

– Ты уверена? – невинно спросила Настя, захлопав своими пушистыми ресничками.

Настёна умела добиваться от Дарьи, чего хотела. Это был надёжный и проверенный способ, который безотказно действовал на мужчин и ещё почему-то на железобетонную Дашутку. Невинный взгляд, сочувственное выражение лица, непорочные глаза любознательного ребёнка...

На вопрос Насти Даша не ответила. Она шумно вздохнула и поджала губы.

– В конце концов, терять нам нечего, – размышляла вслух Настя, своими попутными репликами направляя Дашеньку на путь истинный. – Если захотим – развлечёмся с ними, нет – пошлём куда подальше, – Настя в осторожном ожидании посмотрела на Дарью.

– Ладно, – махнула рукой та, совершая роковую ошибку в своей быстротечной жизни. – Завтра ему позвоню. Но учти, – Дарья предостерегающе сунула под нос подруге указательный палец с острым кошачьим коготком, – если его не окажется дома, я перезванивать не буду, а сразу выкину его номер телефона.

Настя закивала головой, словно китайский болванчик (она была согласна на всё, а предстоящую ночь она собиралась посвятить молитвам Богу, несмотря на то, что была хронической атеисткой, лишь бы этот беспутный Влад оказался дома), и чмокнула подругу в бледную щёку.

Глава пятая

Влад вернулся с занятий в начале третьего. Стас заперся в комнате. Влад услышал, как хлопнула форточка. Похоже, Стас опять тайком покуривал. Вредоносный мальчишка всё спешит стать взрослым. Прочистить бы его по первое число! Но сегодня Влад был не в том настроении, чтобы читать брату нравоучительные лекции.

Удивительно. Разбавлять жизнь младшего Воинова нотациями Воинов-старший любил с каким-то садистским удовольствием. Влад хотел быть отцом, матерью, соседом, братом, учителем, товарищем, наставником и ещё чёрт знает чем для своего несчастного брата, неспособного, несмотря на все попытки Влада, воспринимать его ни в какой другой роли, кроме той, что его наградила сама природа.

Но речь сейчас пойдёт не о сложных (или, может, вполне обычных) взаимоотношениях в семье Воиновых. Речь пойдёт о Воинове Владиславе, двадцатилетнем студенте, беспечном музыканте, сластолюбце и прожигателе своей греховной жизни, который внезапно (прямо с утра, едва только успел оторвать голову от подушки) почувствовал себя как-то не так. Ну, во-первых, внутри его большого сильного тела закралась подленькая, маленькая, трепещущая тревога. Тревога беспочвенная, но оттого не менее невыносимая. А во-вторых... Во-вторых, Владик умудрился поймать себя на странной мысли, что, как только прозвенел будильник и его сомнамбулическое тело стряхнуло с себя сон, он начал ждать. О, как же это низко! Как это убого и недостойно! Ждать?..

Впервые в жизни он ждал звонка от девушки. Обычно эти сладкоголосые, нервно импульсивные создания сами ждали, когда Его Величество снизойдёт до того, чтобы набрать номер. Времена меняются. Теперь Влад, как и его бывшие и что уж тут греха таить многочисленные нынешние увлечения, с предательским чувством ожидания поглядывал на телефон. И ведь если подумать, были и получше девчонки, постройнее, пообворожительнее. А Даша... Даша всего лишь... Чёрт возьми, у него и слова-то подходящего не было, чтобы её как-то назвать, как-то выделить из роскошного арсенала принадлежавших ему наложниц.

Влад схватил гитару и ручку с тетрадкой. Хороший способ отвлечься от всякого рода сорных мыслей – отжаться блаженной стихии нот. После каждого взятого аккорда Влад делал пометку в своей потрёпанной и порядком замусоленной тетради и снова выставлял дрожащие пальцы на лады.

– А если взять не мажорный септ, а минорный, – раздался над ухом Влада голос Стаса. – По-моему, получится здорово!

– Не умничай, – отрезал Влад, но, послушав брата, выстроил пальцы в предложенный аккорд.

– Я же говорил! – со счастливой улыбкой заявил Стас, когда Воинов-старший с маниакальным самозабвением проиграл ряд созвучий.

– Не мешай, я этого не люблю. Кури дальше!

Стас обиженно надул губы и сел рядом с братом. Больше он ничего не говорил и никаких советов не давал. Владу удалось записать полпесни за пятнадцать спокойных минут, которые были бесцеремонно прерваны телефонным звонком. Красный аппарат разрывался с мефистофельским остервенением. Стас хотел было услужливо поднять трубку, дабы не нарушать той творческой атмосферы, с невероятными трудами созданной его братом, но Влад опередил его. Он сунул гитару опешившему Стасу и подлетел к телефону.

– Да! – тяжело выдохнул в трубку Влад, словно опаздывал на поезд и только-только успел заскочить в последний вагон.

– Здравствуйте, можно услышать Влада?

Незнакомый женский голос, сдержанный, предельно лаконичный. Дашенька!.. Ну разве ещё кто-то будет так церемониться и демонстрировать свою бесстрастную воспитанность? Дашутка!.. Имя-то какое чудесное! У Влада перехватило дыхание. Он весь день ждал её звонка, ждал-ждал, а теперь вот растерялся. Нет, наверное, всё-таки любовь зародилась именно с этого звонка. Точнее с испуга, который испытал Влад, неожиданно осознав, что не в состоянии пошевелить языком, чтобы хоть что-нибудь этой девочке ответить.

– Да, Даша, – ценой невероятных усилий он взял себя в руки. – Это я.

– Даша? – озабоченно переспросил Стас, услышав очередное женское имя и испытав неприкрытое чувство белой зависти. – Что, новенькая?

Влад жестом предложил брату заткнуться. Причём жест был довольно-таки грубым и исчерпывающим.

– Не ждал, что позвоню? – усмехнулась в трубку Даша и продолжила: – А я думала, что не застану тебя.

– Я только недавно с занятий, – поспешил ответить Влад, до ужаса пугающийся непредвиденных пауз в разговорах. Ему срочно нужно было придумать какую-нибудь хорошую, добрую и захватывающую её маленький женский ум тему для беседы. О чём же он обычно говорит со своими Машеньками, Яночками, Ксюшами?.. – Ты удачно позвонила.

Разговор грозил оказаться непродуктивным. Он явно собирался стать той пустой болтовнёй, в которой оба собеседника совершенно не знают о чём говорить, но при этом оба в этом злосчастном разговоре заинтересованы. Влад понимал, что если немедленно эту зеленоглазую нимфу не зацепит, не даст ей какую-нибудь тему, за которую она сумеет зацепиться, то она, вероятно, положит трубку со вздохом неудовлетворения и больше никогда не позвонит. А ведь он, чёрт возьми, даже не сможет с ней связаться! И никогда, никогда (какое страшное слово) её не увидит, если только господин Случай не соизволит их в очередной раз столкнуть.

И пока раздосадованный своей беспомощностью Влад ёрзал на диване, терзая ни в чём не повинную трубку телефона, судорожно перебирая в голове нужные темы для разговора, маленькая Дашенька задыхалась в объятьях крепко сложенной и решительно настроенной Настёны, беззастенчиво повисшей на её плече и сующей своё розовое любопытное ушко к телефонной трубке.

Дурманившая музыка только что сочинённой песни не давала Владу сосредоточиться на разговоре. Ля-ми-оль-ля... на четыре четверти... Она тревожно дышит в трубку, и её очаровательное наэлектризованное дыхание так созвучно с этой незамысловатой, но такой обворожительной мелодией! А завтра у них «весна» в институте... О, боже, вот оно, да! А Дашенька, интересно, знает? В каком она институте учится? Ах, чёрт побери!.. Ля, до на пятом ладу, до на восьмом на октаву выше!.. Точно-точно! Надо показать это чудо Сашку.

Глаза Влада, обезумевшие и растерянные, впились в гриф ленинградской гитары, которую этот несмышлёный Стас неловко вертел в своих руках.

– У нас завтра студенческая весна, – наконец-таки сообщил Влад, теряя связь с гитарой и обретая её с Дашенькой. – Ребята долго готовились, должно быть интересно.

– А вы с Сашкой выступаете? – осторожный вопрос дрожащим голосом.

– Нет, – небрежный ответ и очередной беглый взгляд в сторону гитары. – Но будет очень весело. Может быть, сходим вместе? – робкое предложение и гортанный смех маленького дьявола внутри: смеялся Влад исключительно над собой, над своей неловкостью и недопустимой застенчивостью.

– Надо подумать, – ответ столь же нерешительный, как и поступившее предложение.

Подслушивающая Настёна возмущённо покрутила пальцем у виска (эта дура Дашка ещё и отказаться может!), а затем пригрозила подруге плотно сжатым смугленьким кулачком.

– Кстати, – Даша едко прищурилась. – Тебе привет от Стаськи.

– Стаськи? – переспросил Влад и машинально посмотрел на брата.

– Моя подруга Настя, – пояснила Дарья. – В узком кругу – Стаська.

Настенька зло зашипела. Она ненавидела все эти бессмысленные сокращения: Ася, Стаська и прочую уничижительную дрянь.

– Всё понятно, – рассмеялся в трубку Влад (ах, какой чудесный бархатистый, раскатистый смех). – Ей тоже большой привет. Ты меня, правда, немного смутила.

– Чем же?

– У меня брата тоже зовут Стасом, так что я машинально о нём подумал.

– У тебя есть брат? – любопытство в голосе.

Влад нахмурился и поспешил её расстроить:

– Он ещё маленький.

Полноправный свидетель разговора, Воинов-младший, сообразив, что речь идёт о нём, навострил уши. Оскорбительная фраза старшего брата (маленький? это я-то маленький!) вызвала в нём бурю возмущения. Стас окинул Влада уничижительным взглядом и с пренебрежительным фырканьем отвернулся.

– А как там Сашка поживает? – интерес к неизвестному маленькому брату моментально пропал, и вспыхнуло здоровое любопытство к хорошо представляемому Сашке.

«Ага, – удовлетворенно подумал Влад. – Хочет арендовать партию для своей Стаськи».

– Отлично, – ответил он вслух и, разыграв ситуацию «меня только что осенило», с ребячьим восторгом предложил: – А что, если нам всем вместе пойти на «весну»: ты, я, Сашок и Стаська?

Настёна, выдавая своё присутствие, восхищённо захлопала в ладоши.

«Попались девочки», – с лёгким томлением в груди подумал Влад.

«Теперь они решат, что мы попались», – в свою очередь подумала Даша, а вслух сказала:

– Я не против.

– Вот и здорово.

Они договорились о встрече, и Влад, мысленно празднуя новую победу, быстро собрался и понёсся к другу, чтобы поделиться с ним новостями.

– Хорошая идея, – отреагировал на известие Сашок, развалившись на диване с сигаретой в зубах. – А то я уж думал, придётся развлекаться с теми полоумными близняшками-нимфоманками. Надеюсь, они завтра к нам не притащатся.

– Дашка миленькая, да? – спросил Влад, хватая сигареты.

– Типичная стерва, – с видом знатока ответил Саша. – Тёмненькая более покладистая. Как её там?

– Настя.

– Точно, – он прекрасно помнил её имя, но почему-то сейчас предпочёл этого не раскрывать, демонстрируя беспечность, вызванную пресыщением женским полом. – Мне такие, как она, больше нравятся.

– Ну вот и замечательно, – щёлкнул зажигалкой Влад. – Меня уже эти мармеладные девочки раздражают. Хочется чего-нибудь остренького и со специями.

– Любим устраивать себе препятствия? – язвительно заметил Сашка и тут же сменил тему разговора. – Ладно, бабы от нас никуда не денутся. У меня есть новость куда интереснее.

– Какая же? – спросил Влад, удобнее устраиваясь в кресле и предаваясь мыслям о белокурой бестии.

– Отец подкинул мне денег, так что в ближайшие дни мы сможем наконец-таки перевести синтезатор.

– Серьезно? – восторженно удивлённо воскликнул Влад, и мечты о Дарье покинули его голову. На смену им пришли тревожно сладостные мысли о музыке, единственной, неповторимой, пленяющей богине его бренной жизни.

О синтезаторе полубоги-полудьяволы мечтали уже довольно долго. Сашкин отец (человек далеко не бедный, уважаемый и безмерно любящий своего оболтуса-сына) заказал синтезатор из-за границы: приобрести подобное творение на постсоветском рынке было всё ещё проблематично. Сашок торжествовал. «Ямаха» уже проделала путь до Москвы. Теперь оставалось оплатить перевозку и переправить её в новый дом, то есть старый Сашкин гараж или же, что звучало более изысканно, «лабораторию музыки».

– Теперь, Владюха, начнётся настоящий праздник. Когда у нас будет всё оборудование, мы так полезем вперёд! Попрём как на дрожжах! – Сашка мечтательно вздохнул. – Наша «Нефертити» задавит всех и вырвется на финишную прямую, столкнув никчемных музыкальных пачкунов в кювет. У нас будет всё: деньги, женщины, дорогие сигареты, выпивка, тачки. М-м, – Сашка закатил глаза в экстазе и сильно сжал зубами сигарету, едва не перекусив фильтр. – Мы будем менять машины, будем сорить деньгами и исколесим весь мир. Мы будем сводить людей с ума, они станут рвать нас на части, хватать за ноги и умолять...

– Сашок, очнись! – Влад со смехом прервал каскад его нездоровых фантазий. – Ты зашёл куда-то очень далеко.

– Ничего, – многообещающе зловеще проскрежетал Сашка. – Скоро убедишься, что я прав, – он лениво потянулся и потушил окурок в пепельнице и, тут же изменившись в лице (обольстительная улыбка, томный прищур), невинно поинтересовался: – Как ты думаешь, – лицо Сашки озарилось ребячьей самоуверенностью, – эта девчонка даст мне завтра?

Влад беззлобно усмехнулся, но на вопрос друга ничего не ответил.

Глава шестая

Эти чудные, эти божественные, эти дивные и пошлые студенческие вечера! Наполненные юношеским романтизмом, неиссякаемой энергией, томными взглядами, перекурами в туалете и поцелуями «на удачу». «Физфак сегодня в ударе». «Нет, что ты! Сегодня зажигают исторрики». «Хватит вам, у меня парень выступает за журналистов. У них всегда самые смешные номера». «К чёрту номера! Там будут музыка и танцы!» «Бог мой, я опять приду домой пьяная...»

Есть ещё и студенческая осень, не менее зажигательная и буйная, но весна на то и весна, чтобы быть истинно студенческой. Весна на то и весна, чтобы веселиться, флиртовать, влюбляться...

Приготовления шли полным ходом. До встречи оставалось не больше часа. Настя придирчиво осмотрела свои модные эксклюзивные джинсы и пришла к неутешительному выводу, что появляться два раза подряд в одних и тех же шмотках выше её достоинства. На предстоящую встречу с парнем своей мечты (как она уже успела для себя решить) Настя натянула мини-юбку и шнурованные полусапожки. Красные ногти и кровавые губы дополнили образ женщины-вамп. Невозмутимая Дарья со всей своей принципиальной флегматичностью и неужёным духом противоречия натянула спортивную футболку, кроссовки, забрала волосы в классический «хвост» и, наплевав на косметику (хотя нет, глаза чуть-чуть подкрасила), заторопилась (нет, не заторопилась, вальяжным шагом, с железобетонным спокойствием наслаждаясь ароматами первой травки и цветочков) на свидание.

– Ты куда собралась, чёрт возьми, куда ты собралась! – бесновалась раздосадованная Настенька, по представлению которой идти на свидание в столь убогом виде было по меньшей мере кощунственно.

Невозмутимая Дашенька сдержанно напомнила, что это именно благодаря ей свидание вообще имеет место, и если бы не её благоразумная предусмотрительность (пока кто-то там бессовестно «лизался» в угаре смердящей «Лилии»), никакого телефонного разговора, а, следовательно, и дальнейших встреч с «мальчиками-зайчиками» быть не могло.

Настя была вынуждена согласиться и замолчать. И вообще, какая разница, во что одета эта ненормальная Дарья? В конце концов, её безобразный вид ещё больше подчёркивает утонченную красоту самой Настеньки. И пусть подавится эта зеленоглазая ведьма своими облупленными ногтями и ненакрашенным ртом!

Следуя негласному правилу, девушки опоздали на пятнадцать минут. Сашка и Влад ждали в назначенном месте и, казалось, даже не замечали их опоздания. Они о чём-то оживленно болтали, время от времени поднося к губам дымящийся никотиновый яд и весело посмеиваясь.

На Сашке были голубые джинсы и кожаная куртка, небрежно распахнутая, оголяющая крепкую, обтянутую мягким трикотажем пестрой футболки грудь. Влад был облачён в чёрные брюки, тёмно-синюю рубашку и аналогичную Сашкиной куртку.

Заметив девушек, молодые люди замолчали и приветливо заулыбались. Бойкая Настя тотчас же подлетела к Сашку и запечатлела на его губах далеко не невинный поцелуй.

«Как будто знают друг друга сто лет», мрачно подумала Дарья, демонстративно пряча руки в карманы и отходя от Влада на почтительное расстояние.

Покончив с приветствием, компания дружно отправилась по направлению к дворцу культуры имени какого-то там выдающегося советского деятеля, где было запланировано весеннее представление, а точнее – кровопролитная бойня факультетов под эгидой юмора.

Юмористический фестиваль прошёл на ура. Первое место среди лучших занял экономический факультет (честно говоря, многим из присутствующих было совершенно безразлично,

кто одержит победу). Пока Влад и Сашка поздравляли своих знакомых и друзей, участвовавших в конкурсе, с победой, девушки предавались сплетнями за их спинами.

– Надеюсь, ты рада, что увидела своего ненаглядного, – без особого воодушевления поинтересовалась Дарья, искоса наблюдая за улыбающимся Владом, обменивающимся крепким рукопожатием с незнакомым шатеном.

– Более чем, – счастливо улыбнулась Настя, преисполненная блаженного восторга. – Сегодня я не буду такой дурой, как в прошлый раз, и непременно оставлю свой телефон Санечке.

– Вопрос только в том, позвонит он или нет, – не удержалась от колкости Дарья.

– Не будь злокой, – совершенно не обиделась на неё счастливая Настенька. – Он в меня безоговорочно влюблён. Ты только посмотри на него! – не дожидаясь, пока подруга снизойдёт до созерцания божественного Александра, Настя посмотрела на него сама. – Он дьявол. Сущий дьявол, – она глупо рассмеялась. – И он уже почти мой. Как хорош, бесовское отродие! Как обаятелен! Чёрт возьми, а как на него пялятся девицы! – она притопнула своей стройной ножкой. – С ним надо держать ухо востро.

– Наконец-таки верная мысль, – в кои-то веки согласилась Дарья, снисходительно кивнув.

– А Владик? – с надеждой в голосе спросила Настя, вперив свои очаровательные пылающие глазки в подругу. – Разве он не красив? По-моему, ты ему здорово приглянулась. Только попробуй его оттолкнуть!

– Да уж, – сухо ответила Дарья, взглядом облакав предмет их девичьих сплетен. – Мужланистый он какой-то, поднаторевший на бабском поприще.

– Не будь капризной, – одёрнула её всеядная Настенька. – Тоже нашла, к чему придраться. Было бы удивительно, если бы такой мужчина прозябал исключительно за гранитом науки.

– Но не в двадцать же лет!

– А во сколько? – Настёна хищно улыбнулась. – В сорок? Когда уже жена и дети по лавкам? Прошу заметить, милочка, – она не удержалась и вставила свою коронную шпильку, – вы тоже не совсем уж и девочка.

Даша вспыхнула (наконец-то хоть какие-то эмоции отразились на её бескровном лице). Не дожидаясь, пока она соберётся с мыслями, чтобы дать достойный ответ, Настенька понеслась по извилистой собственной болтовни и с воодушевлением сообщила:

– Сейчас начнётся дискотека. Санечка мне сказал по секрету, что они уже достали спиртное. А из музыки, говорит, много свеженького и зарубежного будет. Так что должно быть весело.

Ясноокий Санечка не обманул. Спиртное, в самом деле, было заблаговременно приготовлено. Распивать его пришлось в мрачном захламлённом аппендиксе коридора возле мужского туалета. Сашка, Влад, Настенька и Дарья, а также ещё четверо молодых людей, имён которых девушки так и не запомнили, весело забились в хмурое коридорное ответвление, где предались пьянству. Пили быстро, впопыхах, боясь оказаться застуканными каким-нибудь мимо проходящими работниками ДК. Один из молодых людей (кажется, его звали Дима, хотя, может, и нет) выбегал «на шухер», но, испугавшись, что водку попьют без него, на дело безопасности плюнул.

Покончив с пьянством, орда бесшабашных студентов двинулась к танцполу.

Алкоголь, странным образом преобразивший Настеньку и Сашку, и не менее странным образом их сблизивший, нервно напряжённую Дарью заметно расслабил и поверг в апатию. Она не хотела ни танцевать, ни безудержно беситься, ни подпевать западной ультрамодной песне, так хорошо принимаемой студенческим обществом. Ей хотелось безмятежного покоя, тёплого одеяла и сладкой сказки на ночь. Желательно, чтобы эта предсонная сказочка расска-

зывалась приятным, глубоким, бархатистым баритоном. На этом список обязательных на данную минуту желаний у Дарьи заканчивался.

– Всё в порядке? – о, этот дивный глубокий баритон. Дарья моментально выпала из собственной задумчивости, окинула Влада теплым взглядом (бог мой, она, оказывается, умеет смотреть так нежно!) и непроизвольно улыбнулась.

– Мне кажется, тебе скучно, – сказал он, глядя куда-то в сторону. Этот безобидный взгляд мимо неё хмельную Дарью оскорбил.

– Давно столько не выпивала, – призналась она. – Да и голова от этого грохота раскаляется.

– Не любишь тяжёлую музыку? – он с любопытством посмотрел на неё.

Их взгляды встретились, и Дашенька неприятно поёжилась. В его взгляде блеснула странная маниакальная заинтересованность, как будто это был очень важный вопрос. Она даже не могла придумать ещё более значимого вопроса, который мог вызвать в вопрошающем такую предусмотрительную настороженность и испытующую пронзительность. Влад прожигал её взглядом и готовил себя к ответу, который мог бы оказаться любым.

«О чём он спрашивает? – растерянно подумала она. – Видимо, я что-то пропустила или не расслышала».

Дарья мешкала и не понимала, почему Влад так неожиданно встревожился. Когда молчание стало неловким, девушка мотнула головой, откидывая прилипшую ко лбу чёлку назад и сказала:

– Тяжёлая музыка давит на мозги, деградирует. Ею не стоит увлекаться.

– А рок вообще любишь?

– Да, – не соврала Даша и, поддавшись волне ребячьего любопытства, спросила: – А в чём дело?

– Просто мы с Сашком могли бы пригласить вас к себе в гараж. У нас там оборудована такая специальная комната с музыкальными инструментами и хорошей изоляцией. В общем, мы пишем музыку, слова и всё это соединяем, – он открыто улыбнулся, и всё его напряжение, грубым жгутом сдавливавшее сосуды, моментально рассеялось. – Так что у нас есть своя подпольная группа, – Влад заговорщически улыбнулся. – Сашка на клавишных барабанит, я – на гитаре. Теперь думаем собственный синтезатор купить.

– Что, так серьёзно? – улыбнулась Дарья, заметив, как возбуждённо заблестели глаза Влада, когда он заговорил о музыке.

– Вполне. Все, кто нас слышал, были в восторге. Я не хочу, конечно, набивать себе цену, просто говорю как есть.

Дарья понимающе кивнула, хотя была уверена, что Влад как раз и занимается тем, что набивает себе цену. Было бы странным, если бы девушки не вспыхивали любовью к очаровательному молодому божеству, да ещё и музыканту. Музыканты у нас в почёте, гитаристы в особенности. Но Даша не была бы Дашей, если бы всему сразу и безоговорочно верила. Она снисходительно улыбалась, мягко кивая головой и делая вид, что восхищена наличием у соседа таких грандиозных талантов. Самоуверенный Влад в её взгляде недоверия не заметил, иначе бы здорово обиделся.

– Может, выйдем на перекур? – предложила Даша, сморщившись от неприятного громкого, скрежещущего баса. – Жаль, что тут нельзя. Я ведь замучаюсь бегать на улицу.

– Что же ты так часто куришь? – озабочено поинтересовался Влад, хватая Дарью за руку и помогая пройти к выходу. – Дети зелёные будут.

Она позволила довести её до выхода и не стала отдёргивать руку, хотя первоначально была охвачена именно таким желанием. Ладонь у него была тёплая и слегка влажная, но от этого не менее приятная. Захотелось идти до выхода долго-долго, лишь бы он не убирал эту свою чудесную и чуткую руку. Край его рукава тёрся о её тонкое запястье; сладостное очарова-

ние анархистской музыки и смрад стгутившихся паров перегара кружили голову. Влад начинал казаться героем, долгожданным рыцарем, и маленькая Дашутка на мгновение захотела стать Настей, чтобы так просто, как она, броситься ему на шею и запечатлеть на его тёплых губах томный поцелуй.

Свежий воздух и вечерняя прохлада внесли ясность в заплутавшие в тюрьме черепной коробки зачумлённые мозги. Целовать Влада уже не хотелось, зато теперь неожиданно проснулось хищное желание его дразнить и подкалывать. Благо подходящая тема для этого имелась.

Влад, просветлённый и улыбочивый, наполненный непонятной, одному ему известной радостью, вытащил из кармана сигареты, чтобы угостить ими Дарью.

– А вы, наверное, и название своему дуэту придумали, – Даша пыхнула сизым табачным облачком и посмотрела на Влада с материнским снисхождением.

– Не совсем дуэту, – Влад немного смутился. – Есть ещё мой брат, который лезет во все дырки. Ну а название у нас действительно есть: «Нефертити».

– Почему «Нефертити»? – удивилась Даша, и её тонкие пепельные брови взволнованно вздрогнули. – Если с вами девушки не поют, то почему такое женское название?

– Это единственное, на чём мы сошлись, – взгляд Влада стал философски-задумчивым.

Ему безумно хотелось поведать маленькой Даше какую-нибудь чудесную легенду о становлении «Нефертити», замысловато объяснить, почему именно это название, рассказать таинственную повесть с глубоким содержанием, преисполненную мистицизма и фатализма. Но увы, он понятия не имел о Нефертити: кто она и чем прославилась, и знал только одно – она была живой богиней своего времени. Владу это дикое сочетание слов безумно нравилось. «Живая богиня»... Очень претенциозно, честолюбиво. Лаконичное выражение тривиальной прихоти: воли к красоте, вечности, власти. Тщеславному Сашке (а он тоже практически ничего не знал о Нефертити) это сравнение понравилось.

Название оставили.

«Почему не Клеопатра? – удивлялся любознательный Стас. – Это намного круче!»

Ну как ему можно было объяснить то, чего не знаешь сам! Нет, какая ещё Клеопатра? Слишком вычурно, слишком не то. А Нефертити... Ну, легла эта чёртова баба на сердце, легла и прижилась.

Главное, чтобы Даша не начала сейчас сыпать расспросами; если спросит – можно идти и вешаться. Достойного ответа Влад найти не сможет, а обсмеивать своё детище (свою маленькую девочку Неферию) он не позволит.

Благоразумная Дашенька к своему счастью задавать разоблачающие вопросы не стала. Шумно вздохнув и отчего-то погрузнев, она задумчиво затянулась и, струйкой выпустив молочную табачную гарь, с таинственной безропотностью сказала:

– Нефертити была красивой женщиной. Эхнатон, то есть Аменхотеп V, – тут же пояснила Даша, вызвав у Влада лишь горькую усмешку: эти имена ему совершенно ни о чём не говорили. – Так вот, он из-за неё отказался от своего гарема. Они стали сподвижниками, стали архитекторами новой жизни, они сумели создать нечто, – её изумрудные глаза запылали не меньше, чем искристые вздрагивающие угольки глаз Влада, когда он говорил о музыке. – Новый культ, новое божество и всё для того... – она понизила свой восторженно высокий голос до его обычного состояния и грустно улыбнулась, – чтобы её, несчастную, подвергли самой страшной каре.

– Какой же? – Влад ловко закинул окурок в мусорную урну, а затем скрестил странным образом ставшие мешать ему руки на груди.

– Её имя постарались уничтожить, стереть со всех источников того времени. Для древних египтян это было как... как, – она глубоко задумалась, и её рука, жестикулирующая во время монолога, растерянно застыла в воздухе.

– Как проклятье? – подсказал Влад.

– Почти, – Даша сосредоточенно нахмурилась. – О ней осталось мало сведений, и все они противоречивы. Если представить, сколько усилий было приложено, чтобы вычеркнуть её из истории, и всё равно это не удалось, значит, это выше человеческой власти.

– Странные вещи ты сейчас рассказываешь.

– Но интересные. В любом случае Нефертити была потрясающей женщиной.

– Ну, мы же не случайно выбрали её имя в качестве названия, – руки Влада наконец-таки вспомнили, как обычно поступают в подобных ситуациях, и непроизвольно потянулись к Дарье. – Будем надеяться, что история нашей группы окажется не столь мрачной.

Ненавязчивые объятия. Его бережные заботливые ладони мягкой ощупью проскользили по дивным девичьим изгибам, соприкоснулись с прохладной бархатистой кожей, неосторожно выглянувшей в узкую щель между тканью футболки и ремнём на джинсах.

Толчок, пощёчина и яростный визг:

– Ах, вот к чему эти разговоры про песенки и гаражи! – Дарья побагровела, и нервная дрожь всколыхнула её существо. – Музыкант хренов!

Она оттолкнула его резким ударом в грудь, царапнув острыми коготками гладкую материю рубашки. Решительная и злая, она вбежала внутрь здания и попыталась скрыться в беснующейся толпе.

– Пстой! – Влад пришёл в себя и попытался схватить ускользающую Дарью за руку, но та ловко вывернулась. Девушка, содрогаясь в конвульсиях истерического припадка, влетела на танцплощадку и, увидев отплясывающих Настю и Сашку, решительно двинулась к ним.

– Я уйду, – заявила подруге Дарья, прислонив её разгорячённое ухо к своим губам. – Ты со мной?

Настя в хмельном недоумении уставилась на Дашу. Тут же появился Влад, который схватил Дарью за локоть и резко повернул к себе.

– Даша, прекрати! – строго и сурово скомандовал он. Совершенно серьёзный, абсолютно трезвый, прозрачный как стекло, крепкий, стройный и до безобразия прекрасный в своей очаровательной суровости.

Пользуясь замешательством, Сашка ловко обхватил раскрывшую от удивления рот Настеньку и потащил вглубь зала, тем самым отрезав её от Дарьи, а Дарью от неё.

Влад по-прежнему продолжал сжимать сильными руками тонкий локоть девушки. Даша жёстко ударила Влада маленькой ладошкой по руке и истошно взвизгнула:

– Не трогай меня! – её лихорадило по непонятным причинам. Её плотно сжатые губы грозно побелели. Влада сотрясала кипучая злость. Ему хотелось наорать на эту маленькую стерву, назвать её дурой и истеричкой, но он боялся, что тогда она расплчется и забьется в истерику, поэтому он послушно отпустил её и, отступив на полшага, отчаянно простонал:

– Господи, да что я такого сделал?

– Что ты меня как шлюху дёргаешь? Что за отношение? – пищала она не своим голосом. – Разве я позволяла? Что ты себе возомнил? Бабник, волокита! Ни одной мысли святой в голове нет, ни грамма уважения! Я тебе что, девка дворовая?

– Но и целочку не надо из себя строить! – разозлился Влад. – Думаешь, я не могу отличить невинное создание от прожжённой бабы?

Дарья вlepила Владу звонкую пощёчину.

– Ещё хочешь? – шипящий свист вырвался из её груди. – Я тебе дам ещё, чтобы неповадно было! – горький влажный взгляд, плотно сжатые губы. Она сорвалась с места и понеслась к выходу, в отчаянии размахивая руками.

Влад несколько секунд раздумывал, как ему поступить: послать дерзкую девку куда подальше или всё-таки догнать и извиниться. Извиниться? Чёрт возьми, но за что? За то, что легонько приобнял? За то, что невзначай коснулся мягкой прохлады обнажённой спины? Сказочной прохлады, безумной, желанной! Бог мой, какой всё-таки желанной!

Последний вариант взял верх.

– Дарья, остановись, пожалуйста! – строго крикнул Влад вслед удаляющейся фигуре Даши.

Два бодрых шага по направлению к выходу, прыгающий хвостик хлестнул белокурым шёлком её дивную шейку, но тут же замер и с умиротворённым спокойствием лёг на спину. Дарья остановилась и, пересилив своё упрямство, обернулась.

Ласковый зелёный взгляд. Детски невинный и обиженный, пропитавшийся изумрудным огоньком надежды, маленьким и слегка нервным, с оттенком заячьего страха. Страх того, что больше никогда она этого черноглазого гитариста с мягкими смоляными локонами не увидит.

Влад приблизился к ней. Предусмотрительно спрятал руки за спиной, чтобы ненароком её не коснуться.

– Ты злишься на меня? – спросил он осторожно, окинув её тревожно заботливым, преисполненным чувством вины взглядом. – Я не хотел. Это всё водка поганая. Я не нарочно. В нормальном состоянии я бы никогда себе не позволил...

– Всё, успокойся, – она миролюбиво похлопала его по плечу. – Это у меня истерика разыгралась, остро реагирую на всякую чепуху.

Она вздохнула и жалобно посмотрела на него.

«Только не это, – с тоской подумала она, кусая пересохшие губы и жадно осязая безумными глазами горячее, могучее, мужественно крепкое тело. – Я не имею права!.. Я не должна и не могу... Мне уже не шестнадцать, как тогда, когда я неосторожно позволила себе влюбиться в него, а почти двадцать. Двадцать лет чудовищного благоразумия! Ведь я же здравомыслящий, рассудительный и бог весть какой ещё человек!»

Она посмотрела в его чистые искрящиеся глаза. Красивые, совершенные... Он был ужасно похож на того бессовестного подлеца, имя которого она даже не хотела вспоминать. И одновременно он был совсем другой. Совсем новый, ещё не испробованный на вкус, покрытый сладкой нежно-розовой глазурью, пробуждающий мощный шквал необузданных эмоций, гипертрофированных чувств. А она ведь даже ни с кем серьёзно не встречалась. Убивала время с глупым равнодушием в компаниях разнообразных ненужных мужчин, нащёптывающих с блеском вождения в глазах о том, какая она красивая, какая притягательно целомудренная и девственно непорочная.

Непорочная, чёрт возьми, девственная! Какие убийственные, кошунственные, нравственно бичующие слова! Как будто кто-то, в самом деле, знает их истинный смысл! Вот, пожалуйста, перед глазами стоит неизвестный, окружённый многочисленными сомнительными тайнами Влад, отчаянный бабник, если верить его донжуанским манерам, ухмылочкам, жестам... Но у него такой непорочный взгляд, такой обманчиво целомудренный, что даже стыдно становится за своё простодушие. Как можно такой благоразумной девочке в её неполные умудрённые печальным жизненным опытом двадцать лет в эту неправдоподобную святость верить!

– Я испортила тебе вечер, – сухо констатировала Даша, отводя от него воспаленный взгляд. – Извини.

– Да неважно, – перебил Влад, подставляя ей свою руку. – Это я вёл себя как последний хам, прости. Давай я провожу тебя.

Она не стала корчить из себя недотрогу (сколько можно!) и с благосклонностью его руку приняла. Даша вела Влада в сторону своего дома, рассеянно слушая его незатейливую болтовню, и казалась вполне довольной и умиротворенной. Влад рассказывал о Сашке, о брате, о маме с чудесным именем Маргарита и о своей первой гитаре. Дашенька же думала о профессорском сыне, о том, зачем они с Настей пошли в злополучную «Лилию», и пыталась предположить, к чему вся эта несусветная канитель может привести.

Влад иссяк, и оставшуюся дорогу они шли молча. Только подойдя к подъезду Дашиного дома, они остановились и развернулись друг к другу, чтобы попрощаться.

– Ну что ж, – улыбнулась успокоившаяся Даша, смущённо потупив свой зеленоватый глянцево-голубой взгляд.

– Ты живёшь здесь? – спросил Влад, оглядев обманчиво тёмную в свете сгустившихся сумерек стену кирпичного дома.

– Да. На пятом этаже, – направляющий жест в сторону нужного окна.

Они постояли ещё пару секунд, размышляя, что бы друг другу сказать. Даша растерянно ковыряла носком кроссовка дырочку в асфальте. Влад внимательно наблюдал за работой её ноги, напряжённо подбирая необходимые, а самое главное – предельно корректные слова для прощания. Наконец, он нашёл нужную фразу.

– Предложение остаётся в силе, – голос его был осторожный, боязливо прощупывающий раскисшую почву её сознания.

– Какое? – она продолжала с навязчивым фанатизмом ковырять асфальт.

– Насчёт «Нефертити». Я хочу, чтобы вы с Настей оценили нашу работу.

– Надо подумать, – Дарья сделала шаг в сторону двери, понимая, что дольше затягивать расставание нельзя.

– До встречи, – Влад хотел послать ей воздушный поцелуй, но вовремя передумал и, резко развернувшись, двинулся в обратную сторону.

Дарья растерянно глядела ему вслед. У него, оказывается, изумительная походка. И дивный аристократический профиль.

Она потопталась немного около свежеекрасочной двери, потом, наконец, юркнула в подъезд и, перепрыгивая через ступеньки, добежала до квартиры.

Не желая встречаться с любознательной матерью (опять она станет допытываться до всяких там подробностей), Дашенька скинула с себя пыльные кроссовки и поспешила запереться в своей комнате. Открытое окно пробуждало невыносимое желание схватиться за сигареты.

А как там, интересно, Настёна? Хочется думать, что этот блудливый греческий царь повёл себя с ней достойно и не забыл проводить домой.

А Влад? О чём он сейчас думает? Будет странно, если после всего, что произошло сегодня вечером, он захочет ещё раз встретиться с истеричкой. Но он, помнится, приглашал девушек в гараж, а это уже о многом говорит, это уже даёт какую-то, хоть и вязко сомнительную, но всё-таки надежду. Но с другой стороны, это предложение очень легко не осуществить, придумать веер разношёрстных отговорок. И это будет правильным решением. А как иначе можно относиться к несдержанной, беспричинно вспыливающей девушке, неспособной контролировать свои эмоции и сдерживать свои безудержные порывы в узде благоразумия? И ведь из-за чего всё началось? Из-за того, что он невзначай, слегка, чуть-чуть, на долю секунды к ней прикоснулся. И разве заслуживает это ничтожное поползновение столь недостойной реакции? Стыдно! Совестно! Это всё плачевные последствия той неудачной связи с сынишкой профессора. Как же он хоть выглядел, этот малолетний аспид-искуситель? Серые глаза, голубые или зелёные? Нет, плотоядно-чёрные, глубокие, бездонные, завораживающие и непостижимо безгрешные. А ещё тёмные вьющиеся волосы и игривая ямочка на гладковыбритом подбородке.

Даша похлопала себя по щекам. Не было у него никакой ямочки, что за чушь собачья, что за помутнение рассудка! Перед глазами стоит крепко сложенный, широкоплечий, мужественный с лёгким привкусом соблазна полубог-полуидол Влад. Владислав, Владик... С мягкими в пределах грубоватой мужественности чертами лица, с дивными, атласно смолянистыми завитками рассыпающейся чёлки, с картинным рельефом крепких пружинистых мышц, дотронуться до которых хочется с варварским вожделением. И не просто дотронуться, а надолго задержать свою маленькую чуткую ручку и любознательно исследовать каждый миллиметр гладкой напряжённой кожи.

О благодатная эйфория!..

Дарья разделась и подошла к окну. Ночь издали охватывала безмолвное небо; землистый, застывший в предсонном томлении город казался самым красивым на земле. В такие прекрасные блаженные минуты, в период опасного затишья, всегда становится невыносимо грустно и тревожно. Хочется любви, тепла, нежности, огненной страсти и сладостного любовного похмеля!

Дарья обняла подушку тонкими руками и тихонько заплакала.

Глава седьмая

– Моя малышка, – лебезил Сашка, глядя пальцами белоснежные клавиши синтезатора, который они с Владом только что втащили в гараж, где обычно проводили свои репетиции. – Моя «Ямашечка». Ты посмотри, как она девственно чиста!

Последние слова относились к Владу, пускающему колечками сигаретный дым. Помещение гаража было хронически прокурено и пропито. Несмотря на небольшую площадь, в гараж умудрялось набиваться невероятное количество народа, чтобы нажраться, накуриться и послушать музыку. Из мебели здесь стояли два стула, точнее стул и высокая табуретка, на которой обычно сидел Стас во время репетиций, ядовито-зелёное кресло, местами вытертое и засаленное, но, тем не менее ещё вполне способное прослужить немало лет, и подвесная полочка, заваленная всяким хламом: пустыми пачками из-под сигарет, кассетами, струнами и прочей дрянью. В центре гаража теперь красовался свеженький синтезатор, на вбитые в стене гвозди были повешены две гитары, в углу – металлическое ведро, забитое пакетами и мусором.

– Тоже мне дефлоратор нашёлся, – фыркнул Влад, стряхивая пепел в жестяную банку из-под консервов – шпроты в масле.

– Ты что такой злой? – Сашка отвлёкся от «Ямахи» и с любопытством посмотрел на друга.

– Да всё из-за этой сучки, – сморщил нос Влад и тут же с отвращением вспомнил, что это излюбленная привычка Даши.

– Что, не даёт? – с сочувствием спросил Сашка. – Мне тоже. Наверное, мы стареем. Впрочем, я не собираюсь оставлять эту девочку «необработанной», – он многозначительно повертел пальцем в воздухе. – Кстати, я предложил им с Дашкой прийти к нам на репетицию, так что у тебя есть шанс совершить непристойность с этой ершистой бестией.

– Превосходно, – мрачно заметил Влад. – Я тоже успел подкинуть Дашке это предложение, так что ты опоздал.

– И что, она согласилась?

– По крайней мере, не отказалась.

– Вот и замечательно, – потёр ладони Сашка и снова обратил своё внимание на новёхонький синтезатор. – Обстригаем это дело по лучшему разряду. Дашка будет бегать за тобой, как собачонка. Но, конечно, на это потребуется время.

Влад ничего не ответил. Сашка ещё долго ощупывал «Ямаху», бормоча ей всевозможные похвалы. Казалось, ещё минута, и он начнёт её облизывать, или, по крайней мере, зальёт пенистой слюной все клавиши.

– Влад! – сердито крикнул Сашка.

Влад быстро моргнул и посмотрел на приятеля.

– Ты долго будешь стряхивать пепел себе на брюки? – ехидно заметил Сашка.

Влад опустил взгляд на свои ноги и, нецензурно выругавшись, принялся отряхиваться.

– Где ты летаешь? – спросил Сашка и тут же ядовито улыбнулся. – Или правильное спросить: с кем? Только не говори, что ты всё ещё думаешь об этой истеричке!

– Я и не говорю, – ответил Влад, придиричливо оглядев свои брюки и снова хватая сигарету.

– Нет, Владюха, так не пойдёт, – нравоучительно заметил Сашок, предаваясь схоластическому разглагольствованию. – Это не дело – из-за баб страдать. Она, видите ли, из себя целочку будет строить, да губки в бантик сворачивать, а ты тут – в маразм впадать! Мы вообще сюда пришли, чтобы музыкой заниматься, а не всяких прошмандовок обсуждать.

– Спасибо, что напомнил, – зло ответил Влад, бычкуя одну сигарету и тут же подкуривая другую.

– Э-э, братишка, – неодобрительно покачал головой Сашок, вытряхивая окурки из банки в мусорку. – Дело твоё гиблое, нервишки у тебя ни к чёрту! – Сашка на секунду задумался. –

Пожалуй, я тоже покурю, – изрёк он, натянув на своё совершенное благородное лицо озабоченный вид. – Боюсь, как бы сейчас сам свою «Ямашечку» ни изнасиловал от чрезмерного воздержания, – с театральным драматизмом пожаловался он, сдобрив свою горькую реплику фальшиво печальным вздохом.

Дружественный перекур благополучно завершился, и молодые люди приступили к репетиции. Впрочем, ничего из этого путного не вышло. Влад постоянно сбивался, Сашок его безбожно материл, а заодно поминал дурным словом зеленоглазую ведьму. Влад при этом вяленько защищался и призывал друга к спокойствию. В конце концов, Сашка не выдержал, обозвал Влада очень нецензурным и очень обидным словом, попутно сообщив, что даже глухой безрукий калека с гитарой справится лучше, и направил пристыженного товарища домой.

Влад спорить не стал. Стойко выслушал все оскорбления и поплёлся в свою захламлённую обитель. Мысли о Даше с сатанинской настойчивостью не выходили из его зачумлённой головы, за что Влад на какое-то мгновение свою тайную музу даже возненавидел. Придя домой, он налил себе стакан воды из-под крана, залпом осушил его, после чего мёртвым грузом свалился на диван.

– Тебе звонила какая-то девушка, – в дверном проёме навис полуголый Стас.

– Какая? – тут же заинтересовался Влад, оторвав тяжёлую голову от мягкого дивана.

– Она не представилась. Ну что, притащили синтезатор? – глаза мальчишки жадно заблестели.

– И притащили, и обновили.

– Осталось только обмыть.

– Хорошая идея.

Раздался телефонный звонок.

– Наверное, это она, – предположил Стас, но Влад его предположение не успел выслушать. Он подскочил с дивана и схватил трубку.

– Аллю.

Это была не Даша. Одна из надоедливых сестёр-близняшек. Надо же, со всей этой канителью он сумел о ней забыть. Полоумная мегера, тайно мечтающая женить его на себе! Интересно только, на что она вообще надеется? Он же ей сразу прямо сказал, что, кроме секса, их ничего не связывает и связывать не может. «А если у нас будет ребёночек, милый, что ты тогда на это скажешь?» У него чуть сердце в тот момент от такого открытия не лопнуло, и он себе поклялся, что если всё обойдётся, то он больше никогда к этой дуре (но, кстати, чертовски хорошенькой) не притронется. Клятву, впрочем, он свою немедленно нарушил, даже не дождавшись удачного исхода дел. Но сейчас шустрая девочка, испорченная перманентом и рейсфедером, раздражала и бесила не по этой причине. Дело было даже не в Даше, звонка от которой он ждал. Дело было в той глупости, в том отчаянии, в том терзании, в которые он то попеременно, то синхронно впадал. Влад не находил себе места, бесился и бесновался. Несдержанный Сашок здорово потрепал ему нервы, а теперь ко всему прочему позвонила эта злостная гарпия! Наивное создание! Неужели она думает, что он станет с ней лебезить и выдавливать из себя сладко тягучую патоку! Разумеется, нет. Его голос срывался и едва ли не переходил на крик. Закончилось всё это тем, что Влад послал назойливую девчонку куда подальше и со злостью швырнул трубку.

– Фу-ты ну-ты, – усмехнулся Стас, с сочувствием глядя на телефон. – Какие же мы стали грубые.

Влад не ответил. Он подумал о том, что ведёт себя, как последний дурак, и из-за этой опостылевшей Дарьи может потерять весь свой непосильным трудом собранный гарем.

«Какие же все они дуры, – зло подумал Влад, давясь ядовитой пеной. – Все до единой. Все без исключения. Весь женский пол, женский род, всё-всё женское! Даже египетские мумии и Сашкина «Ямаха». А ещё все они шлюхи; глупые безмозглые шлюхи!»

Влад наспех поужинал и быстрее завалился спать. Но даже во сне ему не удалось забыться. Всю ночь за ним верхом на «Ямахе» гонялась пресловутая близняшка с тугим, готовым вот-вот разродиться животом. А за ней чинно следовала довольная, преисполненная торжественного восторга Дашенька, несущая перед собой на вытянутых руках местами обколотый и облупившийся бюст «живой египетской богини». Один глаз у Нефертити был хорошо прорисован, другой отсутствовал – только пустое, белое яблоко. Она зловеще улыбалась, пригретая тёплыми руками Дашеньки, и озорно подмигивала сохранившимся глазом. И, несмотря на все свои приобретённые изъязны, египетская статуэтка оставалась чертовски обворожительной и дьявольски желанной.

Глава восьмая

– Я тебя умоляю, Дашка, если вдруг тебе не понравится, не говори вслух. Санечка у меня такой чувствительный, – Настя невесело вздохнула и возвела свои жалобные, чуть раскосые глаза на чопорную подругу.

– Постараюсь, – хрипло ответила та, заглотив чрезмерную порцию никотина.

Дарье вообще было очень сложно сдерживать себя, когда маленькая Настенька с ребяческим воодушевлением обожествляла своего голубоглазого беса, а ещё называла его «зайчиком», «сладеньким» и «малышом». Причём было бы полбеды, если бы она называла его так исключительно с глазу на глаз, так нет же – и за глазами она именвала его только в уменьшительно-ласкательной форме. При длительном общении подобная фамильярность напрягает, при очень длительном – раздражает, а при постоянном – выводит из себя.

Подзарядившись валерьянкой в смеси с горьким пустырником, Дашенька словам подруги ласково улыбалась, оглядывая щебечущую кокетку снисходительным взглядом, и с лёгким смятением думала: а не мало ли валерьянки выпила, не кончится ли её действие преждевременно?

Сегодня девушкам предстояло посетить святую святых, лабораторию музыки или же студенческий вертеп, но об этом пока ни слова.

К назначенному месту встречи (скоро оно станет традиционным пунктом свиданий) подруги прибыли чуть раньше срока: предпочли вальяжный перекур на свежем воздухе спешному, нервозному пыхтению в пару затягов в четырёх стенах.

– Глупо всё получается, – сказала вслух Дарья, выпуская дым изо рта и задумчиво глядя в синее с молочными прожилками небо.

– Согласна. Вы с Владом ведёте себя просто безобразно глупо. Даже ни разу не поцеловались, – Настя притопнула ножками в тонких колготках. – А я вообще пришла к мысли, что мне надо переспать с Санечкой.

Дарья закашлялась от дыма. Её взгляд описал незамысловатую дугу и в гневном возмущении вперился в невинно хлопающую ресницами Настеньку.

– Ты что, сдурела?

– А что?

– Ты знакома с ним два дня!

– Ну, я же не говорю, что это случится прямо сегодня. Просто мне кажется, что лучше его кандидатуры не найти.

– Ладно, – буркнула Дарья, жестом пресекая разговор, потому что к ним приближались Влад и Сашка. – Но мы ещё не договорили.

– Да? – невинно удивилась Настя. – А я-то уж думала, что твоё «ладно» означает согласие.

– Согласие с чем? – спросил издалека Сашка, поймав обрывок фразы.

Он подошёл к Настёне и чмокнул её в пылающую щёку, вызвав довольную улыбку и безудержную теплоту во взгляде девушки.

– Да так, – беззаботно отмахнулась Настёна. – Женские разговоры. Мужчинам в них уши греть не положено, – она шутливо погрозила наманикюренным пальчиком.

– Думается, вы сплетничали о нас, – предположил Сашка, лукаво прищулив свои ярко-голубые глаза.

Настёна скомпрометировала себя пошленьким смешком. Дарья молча посмотрела на Влада, и уголки её губ заметно дрогнули.

Влад улыбнулся в ответ, обнажив при этом ровные белые зубы. Нервный порыв ветра невзначай откинул чёрную прядь густой чёлки с его аккуратного лба. Дарья невольно Владом залюбовалась. Он был очаровательно простым, родным и домашним, и веяло от него умиро-

творённым спокойствием и отеческой благонадежностью. Даше сделалось неловко от своих опасных мыслей, и она, чтобы не соблазняться, торопливо отвернулась.

– Ну что, идём? – Сашка по-хозяйски обнял Настю за талию.

– А это далеко? – спросила Дарья, не глядя на Влада, но чувствуя, как его пальцы хватают её руку.

– Нет, – ответил Сашка и с деланным беспокойством обратился к Владу: – Надеюсь, твой брат не разломает мой синтезатор.

Влад, попустил это замечание мимо ушей и, сцепив свою руку с Дарьиной, победно улыбнулся.

Маленькая коммуна, разбившись по парам, отправилась в путь и вскоре добралась до заветного гаража, где их уже поджидал пропахший табаком и отчего-то взволнованный Стас.

– Знакомься, пацан, – сказал Сашка, бросив подозрительный взгляд на свою «Ямаху», и, убедившись, что всё в порядке, продолжил: – Это Дарья, а это, – Сашка обнял Настёну за шею, – Стаська.

Воинов-младший криво усмехнулся, уловив иронию в голосе Сашка.

– Стас, – представился брат Влада девушкам, слегка прокашлявшись.

– Ну что, мальчики, покажите нам класс, – распорядилась Настя, устраиваясь на деревянном стуле с высокой спинкой.

– Я надеюсь, у вас можно курить? – Даша беглым взглядом обследовала гараж в поисках пепельницы.

Влад царственным жестом протянул ей консервную банку вместо пепельницы, и Дарья немедленно закурила, устроившись на валике доисторического кресла (того самого ядовито-зелёного цвета), сиротливо стоящего в углу.

Сашка встал у синтезатора, Влад и Стас разобрали гитары. Влад перекинул через плечо кожаный ремень, Стас взгромоздился на свою родную табуретку.

– Раз, два... Раз, два, три, четыре, – скомандовал Стас слегка гундосым голосом (почему-то мальчишке казалось, что так он звучит взрослее), и понеслось.

Белые пальцы Сашка погрузились в податливые, словно хлебная мякоть, клавиши синтезатора. Стас усердно пытался изобразить на своей акустической гитаре профессиональный бас, Влад, быстро перебирая юркими пальцами по грифу, выбивал безупречное (хотя руки и подрагивали немного) соло. Настя, жадно лаская похотливыми глазами в такт музыке колеблющееся тело Санечки, пребывала в полнейшем экстазе. Даже наряженная в бронежилет нечеловеческой непроницаемости и доблестного хладнокровия Дашутка на секунду забылась, заслушавшись и заглядевшись на молодых, увлечённых мужчин, и теперь роняла истлевший в томительном ожидании сигаретный пепел.

Больше всех пытался выпендриваться молоденький и пока ещё легкомысленный Стас; больше всех нервничал восприимчивый к критике Влад (почти все песни были написаны им), искренне получал удовольствие от собственного исполнения нескромный Сашок. Они все были порочно влюблены в то, что сейчас делали, а поэтому делали это красиво, азартно, оригинально и слаженно. Дивная, необычайно красочная и, может быть, даже сложная для восприятия мелодия чудесным образом переплеталась с простым, но весьма пикантным текстом. Впечатление после таких музыкальных экзекуций оставалось тоже весьма и весьма своеобразное. Все существо по непонятным причинам начинало вздрагивать, трепетать и ожидать чего-то неизвестного. Как говорится, глаза горят, руки чешутся, суставы сводит от бездействия, но мозг при этом не имеет ни одной достойной мысли: а как, собственно, действовать-то?

В первой же образовавшейся паузе одурманенная музыкальной гармонией Настенька восторженно захлопала в ладоши и с ореолом бесконечного обожания кинулась к своему Санечке, чтобы наградить его, доблестного музыканта, заслуженным поцелуем.

Бог вездесущий! Знала бы эта наивная темноглазая девочка, что над одной из только что исполненных песен её обожаемый Санечка корпел всю ночь. Всю оставшуюся после чумовой оргии ночь! Знала бы она, что эти дивные творения создаются после страстных любовных баталий и отдают перегаром бурных студенческих увеселений.

Но от этого суть дела не меняется. И неважно, при каких обстоятельствах рождаются гениальные произведения, раз уж они гениальные.

– Восхитительно! – не уставала восторгаться эмоционально взбодрившаяся Настенька. – Непередаваемо!

– Неплохо, – сдержанно согласилась Даша, – очень неплохо. У вашей маленькой «Нефертити» определённо есть будущее.

– Ещё бы! – воскликнул белокурый Сашок, вспыхнув огнём непомерного тщеславия. – За нами о-го-го какое будущее! – его рука с пролетарским воодушевлением великого вождя напутственно взметнулась вверх.

Настя счастливо заулыбалась, бархатным взглядом обласкав его довольное лицо, и поцеловала в крепкую шею.

– Предлагаю продолжить, – скромно откашлявшись, сказал Воинов-младший. – Вы ещё самого интересного не слышали.

И это было, без преувеличения, верно. Самое интересное, конечно, впереди, но вы, к вашему несчастью, милые очаровательные девочки, залпов салюта и истошных истерических воплей в честь возродившейся богини не услышите, а поэтому внимательно слушайте сейчас, проникайтесь духом власти дивного Танатоса³, сладостной и притягательной смерти, нравственно-моральной деградации. Маленькая Неферия пока ещё пьёт из живого, неосквернённого источника, питается чистой безгрешной душой, но не свежая вода способна насытить её, она – маленькая гнусная хищница. Кровь! Кровь! Алая, дивная, тёплая, вязкая, трепещущая, густая, цельная кровь... Немного крови в этом винограде отсортированных творческих порывов не помешало бы.

Разгорячённая и слегка опьянённая долгожданным успехом троица в более свободной манере (мальчики успокоились, убедились, что не ударили в грязь лицом) исполнила ещё несколько своих коронных песен.

– Эх, барабанщика бы нам, – посетовал Сашок во время очередного перекура, после чего вновь встал за синтезатор.

Сегодня братья Воиновы и голубоглазый Аполлон играли на износ, играли, как в последний раз, с непередаваемым азартом и обезумившим остервенением. Чувствовалась в их фанатичной игре какая-то надрывность, острота, царственность, будто не в гараже среди окурков стояли, а находились по меньшей мере в огромном зале «Олимпийского» (мечты, мечты!), набитом до отказа голодной толпой.

Строгое лицо Влада, а также шея и спина к концу показательного выступления покрылись бисерными капельками пота; от чрезмерных стараний голос Сашка совершенно охрип, а маленький Стасик чуть ли не в кровь разодрал себе пальцы. Опыта маловато, сказал бы на это Влад, если бы увидел, но к счастью он был занят собственными руками и мыслями о музыке, так что ничего не заметил. Но опыта действительно было маловато, и не только у Стаса. Неоперившиеся музыканты не могли должным образом рассчитать свои силы и, разогревшись к третьей песне, они едва не сгорели к шестой. Ну да ладно, это всё поправимо, это всё дело техники, дело опыта и постоянной практики. Главное, что в них сосредоточен колоссальный потенциал, неукротимый заряд, а ещё у них есть хороший архив сырых, но весьма перспективных и поддающихся усовершенствованию музыкальных эскизов. Каркас для великого будущего «Нефертити».

---

³ Танатос (гр.) бог смерти

Влад с видимым облегчением снял с плеча гитару и, изнемождённый, но чертовски довольный собой, рухнул в угловое кресло, окатив ютившуюся на краешке подлокотника Дашу горьковато-сладким мускусом своего тела. Его рука, тяжёлая, пылающая, налитая пульсирующей кровью, дотянулась до пачки с сигаретами. Даша услужливо поднесла зажигалку и шелчком выпустила огонек. Влад закурил и с невиданным блаженством откинулся на бархатистую спинку кресла.

Одурманенный красотой собственного исполнения Нарцисс-Сашок на дрожащих ногах (странно только, почему так дрожат ноги, когда играл он исключительно руками) подошёл к стулу, на котором сидела Настенька. Девушка предупредительно подскочила, позволяя возлюбленному приземлиться, после чего плюхнулась к нему на колени. Хитроумный Стас, всё это время преспокойно восседавший на облезлой табуретке (играть в сидячем положении ему частенько приходилось из-за тесноты помещения и дрожи в застенчивых ногах), с деланным беспокойством обратился к друзьям:

– Что-то вы, ребята, так быстро выдохлись? – лучезарное ехидство лукавым светом окрасило его красивое востроносое лицо.

– Нет, ну ты только посмотри на этого засранца! – беззлобно сказал Сашок, обращаясь непосредственно к своей смугляночке и ласково целуя её в ухо.

Стас коварно хихикнул и, предварительно окинув брата осторожно-испытывающим взглядом, потянулся за сигаретами. Влад сделал вид, что его поползновений не заметил; Стас, уловив равнодушие во взгляде старшего брата, со вздохом облегчения засунул желанную сигарету в рот.

Даша поднялась с мягкого зелёного валика и приоткрыла дверь гаража: одной только вытяжки уже не хватало, чтобы переработать весь табачный угар. Вернувшись на место, девушка положила руку на спинку кресла и, словно невзначай, обвила влажную и горячую шею Влада. Он с благоразумной прохладностью осязал кожей её осторожное, воровато-кроткое прикосновение, чувствовал робкое движение большого пальца вдоль шеи, нежно исследующего завитки закрутившихся волос. Блаженная истома, охватившая его тело, внезапно прервалась, когда Дашенька тихо и с ноткой печального сожаления (надо же!) пролепетала:

– Мне уже пора.

– Подожди, ну подожди ещё, – тут же захныкала Настенька, надув свои прехорошенькие розовые губки.

– Чудесно здесь, конечно, но я больше не могу задерживаться. Ты со мной?

Настя обвила своего Санечку смуглыми руками и голосом огорченного ребёнка спросила:

– А можно, я ещё здесь побуду? – она с надеждой посмотрела на Аполлона.

Тот снисходительно кивнул в знак согласия.

– Я тебя провожу, Даш, – Влад спешно потушил окурок в банке и обратился к брату и Сашке: – Я скоро.

– Можешь не торопиться, – крикнул вслед ему Сашка.

Влад по-детски задорно показал ему язык, и, закинув на плечо небрежно скинутую на коробку от синтезатора куртку, повёл Дашу на улицу.

– Тебе в самом деле понравилось? – он подставил ей свой локоть в качестве опоры.

– В самом деле, – ласково ответила она, бережно беря его под руку. – Очень искренне, очень проникновенно, у меня даже мурашки по телу побежали, – призналась она, смущённо улыбнувшись.

– Не представляешь, как это приятно слышать, – тихо сказал он, пряча от неё глаза.

Её маленькая ручка, целомудренно на его локте, пробуждала в Воинове нервное волнение, смятение и лёгкий озноб внутри: от пульсирующего горла до замирающего желудка. Всё его существо трепетало от осознания того, что эта маленькая нимфа сейчас спокойно идёт рядом, идёт опасно близко, улыбается и смущается, и все прохожие, естественно, полагают,

что им навстречу идёт влюблённая пара: парень и девушка, жених и невеста, муж и жена... Шальная мысль парализовала его возбуждённое сознание. Зубы в испуге клацнули, и сердце тревожно забилося, словно уличённое в каком-то грешке.

«Чёрт возьми, – обескуражено подумал Влад. – Я как будто бы влюбился, я как будто бы связь с миром потерял и в этой странной девушке ни одного недостатка не вижу. А ведь она несовершенно, в ней полно изъянов, комплексов и противоречий. Но как она божественна в этом несовершенстве!»

С этими волнующими мыслями он довёл её до дома. Влад юркнул в подъезд вместе с Дашей и тут же, схватив её за руку, отрезал все ходы к предполагаемому отступлению.

– Глупо всё получилось, да? Всё глупо? – спросил Влад с дурацкой улыбкой.

Даша осторожно кивнула (бог вездесущий, она всегда такая осторожная!) и тоже улыбнулась в ответ.

– Может, ты всё-таки дашь мне свой телефон? – он обольстительно-лукаво прищурил левый глаз.

– Тебе нечем записать, – кокетливая улыбка приятно преобразила её бледное лицо.

– Я запомню.

– Уверен?

– Уверен!

– Ну, только если так, – она с видимой неохотой и с затаённым ликованием в глубине души продиктовала ему свой номер.

«Ну всё, – с триумфом подумал Влад, повторив несколько раз про себя незамысловатый набор цифр. – Теперь она уже никуда от меня не денется, эта изворотливая девчонка».

Увидев в её изумрудных глазах краугольный осколок недоверия вкупе с насмешкой, он поспешно сказал:

– Я тебе позвоню.

– Не обещай того, чего сделать не в состоянии, – очаровательное показное безразличие (и зачем она его так часто демонстрирует!).

– Я же говорю – позвоню, – тихий проникновенный голос.

– Не позвонишь, – маленькая дерзкая ведьмочка практически сдалась и спрятала подальше свои ядовитые шипы.

– Провокаторша, – улыбнулся Влад, сократив дистанцию между собой и Дарьей до минимума. – Ты же специально это говоришь.

– Специально, – неожиданно легко согласилась Даша. Глаза её моментально затуманились и захмелели. Губы трепетно вздрогнули и, словно устав разыгрывать из себя неприступную добродетель, слегка приоткрылись.

Влад приближался к её грешным губам мучительно долго, испытующе медленно, давая своей жертве возможность вырваться, ускользнуть, избежать соблазна.

Даша была сейчас безмолвно податлива и досягаема. Железная броня пала с её хрупких плеч, выпустив на волю истинную, маленькую, светлую, добрую и нежную Дашеньку. Влад прижался к её губам, её руки мягко легли ему на пояс и прижали к себе. Его ладонь жадно погрузилась в её маревые, пропитанные крепким табачным смрадом волосы, и с нетерпением сжала их. Длинные пальцы девушки проскользнули в петли для ремня на его джинсах и с голодным остервенением в них вцепились.

Губы призывно разжались, тёплое дыхание скользнуло по щеке; её глаза улыбнулись его глазам.

Неожиданно на верхнем этаже хлопнула дверь. Дарья оттолкнула Влада от себя, сделала шаг назад, превратившись в добропорядочную скромницу.

– Спасибо, что проводил, – быстро проговорила Даша как ни в чём не бывало. – До встречи.

– Я позвоню, – Влад отступил к двери с нескрываемой улыбкой победителя.

– Пока, – снисходительно усмехнулась Дарья, решив не рассеивать его надежд на скорую победу без боя. Пусть порадуется, пусть потешится. Чёрт возьми, тешить этих самоуверенных мужчин иногда бывает так приятно!

Глава девятая

Чудесное апрельское утро. На улице несдержанно тепло, пахнет пыльным летом, и липкие листочки на деревьях пытаются распусться вовсю.

Дашенька вертелась перед зеркалом в коротенькой юбочке-шотландке (любимая мама смастерила собственными руками), притоптывая ножками в чёрном капроне и полусапожках на частой шнуровке.

– Ты неподражаема, – поделилась своим впечатлением Настенька, игриво подмигнув подруге в зеркальном отражении, после чего непоседливая, взбалмошная кокетка с привычной простотой плюхнулась на диван и грациозно закинула ногу на ногу.

– Ты думаешь, мне идёт? – с превеликим сомнением на хмуром личике спросила Дарья.

– Просто прелесть! – Настенька собрала пальцы в щепотку, поднесла к губам и сладко причмокнула на кавказский манер. – У меня даже слов нет! И ножки у тебя такие аппетитные! Влад будет в восторге!

– Прекрати! – неожиданно смутилась Даша и попыталась изобразить возмущение. – Какое мне дело до того, понравится ему или нет! Главное, чтобы мне нравилось! – она горделиво приосанилась, задрав кверху свой изящный, в россыпи золотистых веснушек, носик.

– Ну да, ну да, – пробормотала с деланным безразличием бдительная Настёна. – До него тебе совершенно нет никакого дела, и с ним ты просто пытаешься убить излишек времени. И, разумеется, – она приложила маленькую ручку к пышной груди, – если вдруг ты увидишь его на улице в сопровождении какой-нибудь прелестной девочки, ты, конечно же, ты не заревнуешь и с доброй дружеской улыбкой его поприветствуешь, – Настя с равнодушным видом принялась разглядывать свои кроваво-красные ноготки, исподтишка наблюдая за реакцией подруги.

Реакция последовала незамедлительно. Дашутка вспыхнула бенгальским огнём, посмотрела на своё пылающее лицо в зеркальной поверхности и, застыдившись, покраснела ещё больше.

– Ну, что с тобой такое? – ласково спросила Настенька, окинув подругу заботливым, по-матерински участливым взглядом. – Почему ты засмушалась, почему нахмурилась? Разве я сказала что-то не то?

Даша накрыла пылающие щёки прохладными руками и, слегка пошаркивая обутыми ногами, прошла по комнате к дивану. Осторожно опустившись на него, она мрачно поинтересовалась:

– Как ты считаешь, у нас с ним что-нибудь получится?

– Смотря, что ты под этим подразумеваешь, – рассудительно ответила Настёна, глазами, полными дружеского участия, воззрившись на Дарью.

– Я хочу влюбить его в себя.

– Интересно, как ты собираешься это сделать, если вы ещё даже по-настоящему не целовались.

О неудачном поцелуе, внезапно оборвавшемся от неожиданного грохота, Настеньке уже было доложено со всеми животрепещущими подробностями. Настя ликовала. Дело, похоже, сдвигалось с мёртвой точки и начинало пахивать сентиментальным романом. Интуиция подсказывала Настеньке, что её благонравная подруга запуталась в липкой, ловко расставленной паутине Влада-охотника, и теперь бедняжка мечется, силится вырваться, но вместо этого ещё больше в его мягкой шёлковой нити путается.

Настенька погладила её, задумчивую и удручённую, по светлым дымчатым волосам и тут же, спохватившись, посмотрела на настенные часы.

– Надо торопиться. Мы опаздываем. Наши кавалеры, наверное, уже заждались.

Дарья вяло кивнула в знак согласия и нехотя поднялась. Девушки набросили на себя лёгкие курточки, подхватили сумки и двинулись в путь. Добравшись до назначенного места, подруги растерянно переглянулись: ни Влада, ни Сашки не было. Их привычный дворик для свиданий был хладнокровно безлюден и мёртв. Настенька осмотрелась по сторонам и с досадой притопнула.

– Что за ерунда такая! – в сердцах воскликнула она. – Опоздали всего-то на двадцать минут! Неужели эти отморозки решили нас кинуть?

– А может, они дурачатся? – неуверенно предположила Дарья, внутренне ощущая себя безмерно несчастной, обиженной и обсмеянной. – Может, они решили отомстить нам за наши предыдущие опоздания и теперь прячутся где-нибудь за углом дома, исподтишка наблюдают, довольно посмеиваются?

– Глупая забава, – сердито заметила Настя. – Но если ты окажешься права, и эти два охладомона на самом деле над нами потешаются... – Настенька потрясла в воздухе грозным кулачком. – Крылышки я им немножко пообламываю, – завершила она своё эмоциональное обещание, зловеще сверкнув пылающими глазами в неизвестность.

Вспыльчивая Настя неотвратимо закипала, рассеянная Даша суетливо беспокоилась. Однако же ей хватило ума принять мудрое решение (на это милая ведьмочка всегда была готова – принимать рациональные и благоразумные решения) и предложила устроить нервно-успокоительный перекур.

Настенька тихонько и беззлобно материлась (сквернословить дивная Цирцея умела захватски); чертыхнувшись в последний раз (контрольный), она приняла предложение подруги и жестом увлекла её со двора в мрачное, захламлённое придворовое захолустье. Спрятавшись от посторонних глаз, девушки закопошились в своих сумках, но не успели они достать сигареты, как до их ушей долетели бессвязные восклицания нецензурного характера, и в хриповатом мужском хоре, девушки сумели различить знакомый баритон и не менее знакомый тенор.

– Влад! – тихим испуганным шепотом сказала Дарья, застывая и прислушиваясь.

– Санечка! – почти одновременно с подругой воскликнула Настя и тоже отчего-то испугалась.

Моментально забыв обо всём на свете, любопытные студенточки, осторожно крадучись, усиленно напрягая свой слух, пошли на звук загадочной брани.

Долго идти не пришлось. Картина вопиющей вседозволенности, локального Армагеддона и одновременно Судного дня предстала перед их изумлёнными глазами буквально через десять метров мусора и призаборных благовоний. В адской куче, резво копошащейся среди этих жилищно-бытовых отходов, девушки не без труда сумели узнать своих богоподобных музыкантов. Вонь, кровь, смрад, матерщина, угрозы и звуки глухих ударов; девушки в истерическом припадке, шок и паралич одновременно. Руки Настеньки сжались в маленькие бойкие кулачки, и дух воинственной амазонки вспылал в её трепетных недрах. Даша ощутила лёгкое головокружение и привкус крови во рту. Захотелось прилечь и прикинуться спящей.

Нагромождение живых взбеленных мужских тел было поглощено процессом мордобития и поэтому неслучайных свидетельниц своих бесчинств не замечало. «Чужих» было шестеро, судя по количеству незнакомых спин. «Свои» им заметно и решительно уступали, но не сдавались и стойко подставляли свои чудесные крепкие тела под неистовый массаж шести пар не менее крепких рук.

Дашенька уже, было, собралась падать в обморок, когда боевой клич ретивой амазонки пронзил колыхающийся воздух.

– А-а! – завопила Настя и, размахивая миниатюрной сумочкой, понеслась отбивать у врагов своего ненаглядного Санечку.

Дарья машинально бросилась вслед за подругой, не задумываясь о том, что и они с Настей свободно могут получить по морде (пardon, здесь речь идет, конечно же, о нежных девичьих личиках).

Знали бы эти наивные доверчивые дурочки из-за чего (а точнее из-за кого) весь этот сыр-бор. Знали бы они, в чём причина агрессии хулиганов, сами бы помогли им разделаться с порочными музыкантами и ещё больше раздавить их в этой помоечной дряни. История была до банального смешна и прозаична, своими корнями уходила в недалёкое прошлое и была постыдно связана с шустрыми и шельмоватыми сестричками-близняшками. К этой повести они не имеют никакого отношения, и дальнейшая жизнь главных героев этой истории никогда больше с этими маленькими гарпиями не пересекалась. И всё-таки расскажу кое-что о них, раз уж представился такой случай.

Обворожительная Элеонора, славная дурочка, недалёкая, но изворотливая бестия, и её однойцовая сестрица Эльвира, дотошная, прилипчивая, хитроватая гарпия, в первый же день знакомства с полубогами– полудьяволами Сашком и Владом прочно поделили их между собой и приписали к своей неотчуждаемой собственности. Хитроумная ласковая Норочка немедленно запустила свои ядовитые иглы в Сашку. Будучи нетребовательной, покладистой дьяволицей, она вошла в его жизненный обиход и прочно там засела (чего уж тут греха таить, любвеобильный Александр не собирался портить с ней отношения и рассчитывал попридержать лучезарную кокетку в качестве запасного и весьма гостеприимного аэродрома). Пробивная Элечка тяжёлых и путаных путей не любила и давила на Влада всеми своими неуравновешенными порывами и сластолюбием (её фирменные методы уже были описаны ранее). Дав маленькой востроносой хищнице отворот-поворот, Влад автоматически обрёл себя на месть. Девочка нашла себе нового любовника и поведала ему некую таинственную историю о любовнике предыдущем. Суть этой истории неясна, да и несущественна, главное, что Элечка достигла своей цели – подняла нынешнего хахала против его предшественника. С молчаливого согласия сестры упомянула и Сашку, которому тоже не мешало бы задать по первое число. Манёвр удался, бунт был поднят.

Настенька лихо орудовала сумочкой и ногой целилась в чей-нибудь вражеский пах. Боевая команда антихристов на долю секунды растерялась и оторопела, позволив отдышаться проигрывающей стороне. Настя с боевым кличем набросилась на одного из верзил, направившего свой волосатый кулак в сторону поднимающегося на ноги Сашки, и изо всей силы ударила его сумочкой по обозлённому лицу, за что тут же была схвачена и едва не растерзана двумя его бдительными сотоварищами.

– Ах вы, ублюдки! – пыталась вырваться разъяренная Настя. – Нечисть позорная!

– Владик, – жалко всхлипнула Дашутка, наклоняясь к вяло барахтающемуся музыканту.

Отчаяние охватило её сублимную героическую душу, когда она увидела заплывшее и окровавленное, испачканное серой пылью лицо черноокого идола. Слезы обожгли края её дрожащих век, и она с опрометчивой безрассудностью кинулась в скопище изуверов-мстителей. Её ревностный порыв был успешно осаждён грубой пощечиной. Звук звонкого взрывного шлепка по её лицу стал финальным аккордом бесовской песни. Влад конвульсивно вздрогнул. Он угрожающе быстро поднялся на ноги, но слабо пошатнулся и едва устоял.

– Дашка, – в сумерках собственного забытья его голос казался ему далёким и чужим. Голова нестерпимо гудела, по извилистым линиям мозга грохотали товарные поезда.

– Шустрые бабёнки, – скабрезно заметил один из изуверов, криво усмехнувшись.

– Ладно, мужики, хрен с вами, – примирительно поднял ладони вверх Сашка, выражая своё отступление. – Только девчонок не трогайте.

В принципе Сашок мог бы этого и не говорить. В планы беснующихся мстителей калечить случайных свидетелей (а уж тем более прехорошеньких свидетельниц) не входило. Они отступили. Отступили на удивление тихо и безоговорочно.

– Чудики, – рассмеялся хищным клокочущим смехом русоволосый оборотень-мститель (видимо, он и был тем очередным подкаблучником Эльвиры). – Ей-богу, чудики, – повторил он, пятясь назад и увлекая за собой шумно пыхтящую, распалённую шоблу.

– Мрази поганые! – вслед им погрозила кулаком Настя и тут же, потеряв к чужакам всяческий интерес, бросилась к Сашке. – Санечка, золотце, тебе больно?

– Нет, приятно, – огрызнулся Сашка, злостно стряхивая с себя прилипший мусор. – Я мазохист.

Настя пропустила сарказм ненаглядного мимо ушей и заключила Сашку в материнские объятия.

– Зря вы пошли сюда, – Сашка осторожно высвободился из её непомерно крепких рук. – Мы бы и сами разобрались, уж не позорили бы нас. Только нервы нам потрепали! За вас же, баламуток, испугались!

«Нервов! – восторженно повторила про себя опьянённая любовью Настенька. – Кучу драгоценных нервов он потратил, беспокоясь обо мне! Рыцарь, герой! Это всенепременно любовь тормозит его царские жилы!»

Тем временем близорукая от собственных слёз Дашенька подбежала к своему черноволосому идолу.

– С тобой всё хорошо? – бестолково суетилась она, вглядываясь в его мутные глаза. – Болит? Где болит? Нужно приложить холодное! Нужно что-нибудь сделать! – отчаянно воскликнула она, осторожно трогая его чёрный, пропахший мусором и пряной кровью свитер. – Боже мой, что с твоим лицом! Они изуродовали твоё лицо! Сволочи!

– Даша, – тихонько позвал он её, хмурясь и неприятно ёжась от ломящей боли.

– Это возмутительно! Нужно немедленно обратиться в милицию!

– Даша, – в очередной раз сказал он, и девушка, наконец, очнувшись от своего истерического полубытья.

Она замолчала и внимательно посмотрела на него. Не прошло и секунды, как она бросилась ему на шею и с жадностью принялась целовать его пропитанные липкой кровью губы. Влад застыл от неожиданности, отдав своё измученное безвольное тело в распоряжение маленьких ласковых ручек. Пересытившись его кровью, Даша отстранилась от Влада, ещё раз оглядела его, жалкого и распятого на кресте бесчеловечного варварства, и, жалобно икнув, разрыдалась.

– Ну всё, детка, перестань, Влад растерянно обнял Дарью за плечи. В надежде найти объяснение всему происходящему он посмотрел на Сашку, но тот разбирался с Настёной, и поддержки ждать было неоткуда.

– Дашутка, ты чего? – Влад посмотрел в её заплаканные глаза и улыбнулся. – Всё хорошо. Это обычная драка.

Она ничего не ответила, жадно прижалась к нему, ласково потёрлась щекой о его гладковыбритый подбородок.

– Вам срочно нужно привести себя в божеский вид, – благоразумно заявила Настя, придирчиво оглядев доблестную мужскую половину. – Хотя бы умыться что ли, а то вы даже до дома в таком виде не дойдёте – менты загребут.

– А может, сначала в больницу? – неуверенно предложила Дарья, слегка успокоившись.

– Уж как-нибудь обойдемся, – фыркнул Сашок. – Да, Владюха?

Влад сдержано кивнул.

Решительная и предприимчивая Настенька быстро сбегала в магазин, купила салфеток и минеральной воды (другой не было) и примчалась обратно – утирать молодецкую кровь с разбитых носов. Надо сказать, под обильной кровавой маской прятались довольно-таки сносные и относительно целые лица.

– Мы восстанавливаемся быстро, – отшутился Сашка, усаживаясь на скамеечку в вышеупомянутом дворе (четверка наконец-таки покинула зловонную мусорную арену и вышла на свет божий). – Регенерируемся.

– А чего эти типы вообще к вам прицепились? – спросила как можно беззаботнее Настя, когда все четверо устроились на лавочке. Настенька одолжила своему ненаглядному пудреницу, в то время как Дарья ловко орудовала расчёской на взлохмаченной голове Влада.

– Можешь придумать любой повод, – фыркнул Сашка, изучая своё разноцветное лицо в мучнистом зеркальце. – Попросили закурить, а там – понеслось.

Влад беглым взглядом окинул лицемерного Сашка, невинно сеющего ложь и смятение в девичьих умах. И дал же бог ему талант – виртуозно врать и при этом не завираться. Впрочем, у Влада раньше тоже неплохо получалось. Сейчас же отчего-то говорить неправду было неловко, а ещё и совестно.

– Теперь нам нужно развести вас по домам, – безапелляционно заявила Настенька и в поисках поддержки посмотрела на подругу.

– Разумеется! – горячо поддержала её Дарья.

– Что за чушь! – замальчишился гордый Санечка. – Ещё чего в моей жизни не хватало, чтобы девчонки... – грозный прищур тёмных шоколадных глаз заставил его заткнуться. – Ладно-ладно, – он миролюбиво похлопал Настёну по упругой ляжке. – Как скажешь, так и будет.

Парочки разделились и, распрощавшись, разбрелись по своим сторонам. Настенька покровительственно взяла своего своенравного Санечку под руку и повела его окольными путями в его же спасительную обитель. Влад, в свою очередь, крепко сжал холодную ручку Дашутки и, как только они остались наедине, вкрадчиво поинтересовался:

– Что с тобой сегодня?

– Ты ещё спрашиваешь! – покачала головой девушка. – А что было бы с тобой, если бы ты такое увидел?

– Какое – «такое»? – не унимался Влад, внимательно разглядывая бестолково взвинченную маленькую принцессу.

– У меня шок, – расплывчато ответила она, свободной рукой потеряв пульсирующий висок. – Я не могу прийти в себя.

– Испугалась?

– Очень, – призналась Дашенька, залившись несвойственным её бледным щекам румянцем.

Влад остановился и развернул сказочную нимфу к себе лицом.

«Неферия, – почему-то подумалось ему. – Моя доблестная Неферия. Моя мистическая муза, мой ангел-хранитель, мой сладкий огонь!»

Он потянулся к ней. Её нежные руки обвили его крепкую шею. Влад по-отечески поцеловал её в шёлковый лоб, ласково накрыв ладонями дивные дрожащие плечи. Он целовал её мягкие непослушные губы. Он был сильнее и крепче, чем до встречи с Эльвириными мстителями. Он был наполнен воинственным огнём, смешанным с альковным безумием. Он был готов геройствовать и умирать за свою маленькую Неферию, лишь бы она всегда им восторгалась, выпрыгивала из колючего благоразумия и сыпала порывами. Лишь бы её атласные белые ручки навечно припечатались к его горячей шее.

Они дошли до серой панельной девятиэтажки. Дома был Стас, лениво бренчащий на ленинградской семиструнке. Увидев искореженного и источающего ароматы городских нечистот брата, Воинов-младший охнул, однако же Влад жестом усмирил его, дав своим видом понять, что ни на какие вопросы сейчас отвечать не собирается, и повёл Дашеньку на кухню поить крепким чёрным чаем.

Влад переоделся в чистую благоухающую свежестью одежду (вельветовые штаны и белую в надписях футболку) и вернулся на кухню, где светловолосая фройляйн рассеянно помешивала давно растворившийся в чае сахар и пустыми глазами буравила зашторенное окно.

– Всё хорошо? – спросил Влад, целуя её в макушку.

– Замечательно, – уныло улыбнулась она, задержав его около себя.

Она обхватила руками его узкие вельветовые бёдра и прижалась щекой к пульсирующему животу. Взбалмошный музыкант дерзко овладел её маленьким осторожным сердцем, стал эталоном мужского совершенства; она была влюблена в его тело, в его творчество, в его мысли, в его муз и тайных бесов. Она хотела стать его маленькой игрушкой, амулетом, который он мог положить в карман и всегда носить с собой.

– Хочешь печенья? – прервал её горестные размышления божественный баритон.

Она отрицательно покачала головой.

Они допили чай в торопливом молчании и сговорчивом переглядывании.

Маргарита Аркадьевна ещё утром уехала вместе с мужем на дачу (эталон постсоветской действительности) до завтрашнего вечера. Дома никого кроме понимающего Стаса. Влад предложил Дашеньке экскурсию по своей комнате. Экскурсия была непродолжительной. Даша бегло осмотрела небольшую комнатку с двумя аккуратно заправленными кроватями вдоль стен, желтовато-кремовыми шторами, тумбочкой и узким шкафом в углу около двери. Влад пристально разглядывал свою Джульетту, и его красноречивый взгляд лучом похотливого безумия прожигал её насквозь. Зеленоглазая Неферия предусмотрительно потребовала телефон.

– Мамочка, – невинно-добродетельно пропела она в трубку, робким взглядом изучая тёмную фигуру Влада в свете солнечного окна, – я сегодня ночью у Стаськи.

Ворчливое согласие было получено. Влад выдернул телефонный шнур из розетки и закрыл дверь комнаты на ключ.

Глава десятая

– По-моему, ваши отношения развиваются слишком бурно, – с лёгкой плотоядной завистью сказала Настёна, по привычке высываясь в окно для традиционного перекура.

– Может быть, – пробормотала Дарья, с трудом подавив позыв к зевоте. Она с ногами залезла на диван в цветах и устроила тяжелую голову на согнутой руке.

– Вот-вот, – торжествующе усмехнулась Настя, подняв вверх указательный палец. – По ночам надо спать, а не заниматься чёрт знает чем.

Дарья не ответила. Поплотнее запахнув на себе коротенький ситцевый халатик, она блаженно полуприкрыла тяжёлые веки и вытянула во всю длину гладкие блестящие ноги. Настёна докурила, щелчком отправила смердящий окурочек в недолгий полёт и села рядом с подружкой.

– Ну, и как он? – с любопытством спросила Настя, заерзав от нетерпения на месте.

– Восхитительно, – улыбнулась Дарья, прищёлкнув языком.

– И это всё, что ты можешь мне сказать? – жаждущая откровений Настенька потормошила вялую подружку. – Влад, наверное, очень сильный и выносливый человек, раз уж смог после вчерашней бойни восстановиться и всю ночь напролёт ублажать мою дорогушу, – Настёна потрепала подружку по сонной щеке. – Ну, давай, давай рассказывай, – поторопила смуглянка. – Проведи со мной просветительную беседу, займись ликбезом, а то вдруг мы с Санечкой тоже решимся впасть в любовное неистовство, а я возьму и оплошаю.

– Не знаю, что тебе сказать, – хрипловатым голосом ответила Дарья, лениво потягиваясь. – Мне так сейчас легко и спокойно, ничего не хочется делать, даже разговаривать.

– А куда же вы дели Стаса? – не унималась любопытная Настёна, наивно проигнорировав намёк подружки на подразумеваемый конец разговора.

– Он спал в комнате родителей, а мы – в их некогда детской. Похоже, я была первой девушкой, так бесцеремонно оставшейся у них ночевать.

– Представляю, чего он там наслушался, – усмехнулась Настя, хлопнув ладошкой по смуглой щёчке. – Бедный мальчик, у него, наверное, слюнки потекли.

– И не только, – хихикнула Дарья и уже серьёзно добавила: – Мы старались не шуметь.

– Несчастные, – фыркнула Настя и рассмеялась. – Какие лишения, какие лимиты!

– Не язви. Тебе не идёт. И прекрати завидовать, ты от зависти дурнееешь.

Настя запустила в подружку диванной подушкой из розовато-коричневого плюша. Дарья ловко поймала её и положила себе под голову.

– Мне нужно собираться, – лениво сказала Дашенька, удобнее устраиваясь на диване. – Скоро подъедет Влад. Он стащил у отца ключи от машины и теперь хочет покатать меня по городу.

– Уже отделяетесь от нас? – лукавый взгляд Настеньки из-под хищных бровей испытующе пробежался по Дашиному лицу.

– Ты против?

– Да нет, – жеманно махнула рукой Настя. – Мне так даже лучше. Будет больше возможностей спровоцировать Санечку на пошлость.

– Как он, кстати, после вчерашнего? – запоздало поинтересовалась Дарья.

– Думаю, что уже отошел. Мы с ним немного поцапались из-за этого инцидента, – неохотно призналась девушка. – Видите ли, его гордость была задета, когда мы с тобой вмешались в их мужские разборки, – Настенька удручённо покачала головой. – Вспыльчивый он у меня до жути. Ну, ничего, потом всё-таки успокоился.

– И вы долго примирались в страстных поцелуях и объятиях, – торжественно завершила проницательная Дарья.

– Ну да, – смущённо протянула Настя, заливаясь мягким розовым светом.

– Я бы посоветовала тебе быть с ними поосторожнее, не дай бог, он тебя обманет.

– Он, конечно, ветреный, – согласилась Настя. – Но, думаю, он попался на мой крючок, – самодовольно подытожила она. – А если ещё он получит от меня то, из-за чего ему иногда приходится поглядывать на других баб, то тогда он от меня точно никуда не денется.

Дарья неодобрительно покачала головой, но предпочла золото молчания сомнительному серебру умной речи. Да и что толку что-либо говорить? Дарья лучше других знала, насколько упряма её подруга, и если уж эта чёрная королева что решила, то непременно сделает. Поэтому от нравоучительных лекций Дашутка воздержалась, однако же не смогла окончательно спрятать своё недовольство под покровом притворно-равнодушного молчания.

Уловив во взгляде подруги сдержанный протест и лёгкую досаду, Настя мрачно засопела. Ей было прекрасно известно необоснованно жестокое мнение подруги о её Санечке. Возникшая в первый же день знакомства осторожная неприязнь между Сашком и Дарьей сохранялась и теперь. Но пока всех всё устраивало, и никто ничего не собирался менять. Пока чёрный Зверь успешно таился в эфире и терпеливо ждал удобного случая.

Дарья впала в мечтательную задумчивость, уплыла на алых парусах в своё беспечное вчера, выскочив из осязаемой действительности. Настя в очередной раз потрепала её по колену, призывая вернуться на землю. Дарья вздрогнула и посмотрела на подругу.

– Что с тобой? – обеспокоенно спросила Настенька. – Ты должна быть теперь довольной и счастливой, а не выглядеть такой убийственно поникшей.

– Да ерунда, – отмахнулась Даша. – Просто мне кажется, что я втюрилась, серьёзно и надолго. Честное слово, Стаська. И это ужасно.

– Почему же? – улыбнулась Настя.

– Людям не нравится ошибаться, я не исключение.

– Ну что ты, – Настя обняла подругу за плечи. – Влад – хороший парень. В него вполне можно влюбиться.

– Знаю, но я боюсь, что превращусь в настоящую тряпку и буду стелиться ему под ноги. Понимаешь? – Дарья развела руки в стороны и посмотрела перед собой, будто увидела что-то грандиозное и теперь описывала это, роясь в своих воспоминаниях. – Я смотрю на его руки, плечи, глаза, волосы, и я понимаю, что это то, что мне нужно. Что нужно именно мне, только мне, и именно это, а не что-то другое. Я люблю его лицо, его голос, даже ямочку на его подбородке. Я его знаю чуть больше недели, а уже думать ни о чём не могу. И это страшно, Стаська, на самом деле страшно.

– На самом деле это – любовь, деточка, – философски заметила Настя, приправив своё торжественное умозаключение снисходительной улыбкой. – Того и гляди, ты скоро выскочишь замуж.

– Только не это, – рассмеялась Дарья, протестующе замахав руками. – Не хватало ещё загубить свою молодость.

– Ну-ну, – тоном строгой учительницы сказала Настя. – Могу тебя обрадовать, когда Влад на тебя смотрит, глазки у него светятся, а это что-то да значит, – Настя погладила подругу по голове и с чувством сказала: – Выкинь всю чушь из головы, живи сегодняшним днём.

Дарья с высоты своего нордического здравомыслия посмотрела на подругу. Маленькая чудесная кокетка радовалась настоящему, в котором у неё были любовь и лучезарный Санечка. Дарья же подобного счастья не осязала своими тонкими фибрами. Её терзали непонятная тревога, неуверенность, страх, беснующиеся черти. Эхо мистической необратимости щекотало её всеслышащие уши. Дашеньке казалось, что она перешла какую-то непозволительную грань, тяжело согрешила и теперь нуждается в наказании.

– Ты слышишь меня? – сердито поинтересовалась Настенька, видя, как Дарья опять куда-то улетает.

– Слышу, – ласково улыбнулась Дашутка, с напускной беззаботностью взмахнув бескровной ручкой. – Ты, как всегда, права. Надо жить сегодняшним днём, – её нежная улыбка превратилась в рассеянную, и Дашенька задумчиво повторила: – С сегодняшним днём.

Глава одиннадцатая

Сашка сидел на высоком стуле, упираясь одной ногой в его поперечную перекладину, другой – держась за пыльную поверхность бетонного пола. Очередная сигарета сверкала вспыхивающим огоньком в его ровных белых пальцах. Дверь гаража была плотно закрыта, и терпкий табачный туман мягко застилал подпольное помещение музыкальной лаборатории.

– Что-то нашего Влада прорвало, – усмехнулся Сашок, глядя на приятеля, который, напряжённо прикусив язык, писал новую песню. – Опять посвящение Дашке?

– А кому ещё, – ответил за брата Стас, хватая сигареты. – Он мне даже курить перестал запрещать, теперь ему не до меня. А что у нас сегодня ночью в квартире творилось! – закатил глаза Стас.

– Ага! – торжествующе воскликнул Сашок, хлопнув ладонью по колену. – Ловко ты затащил эту бестию в постель. Даже меня опередил!

– Хватит перемывать мне косточки, – отвлёкся от сочинения новой песни Влад, бросив свой тёмный, сумрачный, осуждающий взгляд на веселящегося Сашку. – И вообще, дайте мне сосредоточиться! – строго потребовал он.

– А мне сегодня ночью кто-нибудь дал сосредоточиться? – обиженно-шутливо спросил Стас. – Ахи, вздохи по всей квартире.

– Бедняга Стас, сочувственно вздохнул Сашка, напустив на себя трагический вид. – Тяжело тебе пришлось.

– Это ещё что, – разошелся Воинов-младший, выдохнув табачный дым. – Он ещё выпросил у отца машину, чтобы покатать свою ненаглядную.

– Да, кстати, – Влад отложил в сторону тетрадь и ручку. – Давайте начнём репетицию, а то мне ещё к Дашутке ехать.

– К Дашутке, – передразнил Стас, лениво потушив в банке сигарету и беря в руки вторую гитару.

Репетиция проходила подозрительно гладко и слаженно. Воодушевлённый Влад выдавал чистые партии и красивые гитарные переборы; его слегка заплывшее после вчерашних треволнений лицо одухотворённо сияло в сладостном упоении. Довольный продуктивной репетицией Сашок снисходительно позволил товарищу покинуть «лабораторию» раньше положенного, дабы не опоздать на свидание.

Влад попрощался с ребятами, взял ключи от машины и отправился к Дарье. Зеленоглазая фея с аккуратно уложенными волосами (не обошлось тут без помощи доброжелательной Настёны) в зелёном вязаном свитерке и узких джинсах бросилась Владу на шею, окатив запахом дешёвой, но аппетитно свежей туалетной воды. Влад перехватил её маленькую шёлковую ручку, влажно поцеловал и повёл свою светлую Неферию по серым ступенькам подъезда.

– Ну, как ты себя чувствуешь? – спросила Даша после того, как Влад усадил её в отцовскую «девятку». – Лицо вроде бы приобрело нормальный цвет, и даже опухоль прошла.

– Всё в порядке, – Влад чмокнул подругу в нос, вставил ключ в замок зажигания, затем опять наклонился к девушке, чтобы поцеловать её в губы, и только после этого завёл машину.

– Ты здорово водишь, – сказала Дарья, глядя в окно. – Мне отец на день рождения тоже машину обещался подарить.

– Ты уже сдала на права? – удивился Влад, и в голосе его сдержанно просквозило туманным уважением.

– А то, – с ноткой гордости ответила Дарья. – Машина – моя мечта. Хочу исколесить всю страну! – бодро сказала она, взмахивая белыми ручками. – Пусть кто потом меня найдёт.

Влад покачал головой и улыбнулся. Его чёрные глаза напряжённо воззрились в извилистую линию дорожного асфальта.

Они ехали какое-то время молча. Дарья восхищённо наблюдала за незатейливыми манипуляциями своего водителя, ловко справляющегося с покладистым автомобилем. Сильные музыкальные руки чётко разделяли свои нехитрые обязанности: левая держала руль и корректировала курс автомобиля по мере необходимости, правая – соблазнительно ласкала рычаг коробки передач, прерывистыми толчками направляя его в нужную сторону.

Парочка вдоволь накаталась по городу, попеременно останавливаясь то там, то здесь, чтобы полакомиться мороженым или обменяться страстным поцелуем. Когда в воздухе запахло сумерками и вечерней прохладой, Влад со свойственной ему бесхитростной простотой весьма двусмысленно предложил:

– Может, съездим в наш гараж? – его ангельский непорочный взгляд бегло исследовал изгибы миниатюрной ведьмочки. – Я хочу кое-что тебе показать.

Дарья сдержанно кивнула в знак согласия.

В гараже было душно и накурено. Похоже, здесь недавно побывали Сашка и Настёна. Об этом говорили многочисленные окурки в банке-пепельнице, среди которых присутствовал уникальный экземпляр со следами помады Настеньки.

Дарья проследовала до зелёного кресла (боже, как оно сочеталось с её глазами!) и с кошачьей грацией в него опустилась.

– У меня для тебя маленький сюрприз, – озорная улыбка красиво смягчила обычно суровое лицо Влада. – Надеюсь, ты поймёшь, что здесь к чему, – он опустился на стул, взял в руки гитару (все его действия сопровождалось пристальным разглядыванием затаившейся в ожидании Дарьи) и заиграл.

Чудная песня, комплект незатейливых аккордов, два коротких куплета и запоминающийся припев. Этой песне (о, священный гимн в честь возродившейся египетской богини!) он посвятил нынешнее солнечное утро и часть благодарного дня, хотя планировал и раскладывал в своей голове этот нехитрый музыкальный пасьянс значительно раньше и существенно дольше. Слово «любовь» повторяется два раза, «смерть» один раз, слово «протест» странным замысловато-изысканным образом рифмуется с «инцестом», ряды красноречивых существительных снабжены гарниром уникальных эпитетов. Прелестно, как всё земное и привлекательно-низменное. Прелестно, как всё вечное и непреходящее. Прелестно, потому что посвящено любимой женщине.

– Она такая гнусная, ядовито-желанная, величественная и дрянная, похожая на королеву, неуклюже выбравшуюся из своей безумно дорогой кареты в дорогом платье и с размаху шлёпнувшуюся в коровью лепёшку, – шептала ему на ухо подкупленная его музыкально-изысканной исповедью Дашенька, ловкими пальцами поддевая край скользкой прохладной рубашки, прилегающей к его широкой крепкой груди.

– Думаешь? – так же шепотом спросил Влад, слепо отставляя неожиданно лишнюю гитару.

– Думаю, – утвердительно ответила Дарья, основательно поцеловав его в ухо. – В ней столько секса, столько смерти! Потрясающе! – она навалилась на него всем своим телом, упершись острым подбородком в его черную макушку. – Даже не знаю, что здесь привлекательнее. Не было бы секса, не была бы её смерть так сладостна.

Даша обошла Влада и осторожно забралась на его крепкие колени.

– Тебе понравилось? – спросил он, прикрыв глаза и ладонями накрыв мягкую выпуклость её бедер.

– Очень, – призналась она, жадно вдохнув его терпкий будоражащий запах. Её влажный трепещущий язычок проделал незамысловатую дорожку на его светлой шее. Мертвенно ледяные руки (она всегда такая отчуждённо-прохладная) скользнули под рубашку и прижались к горячей спине. Одурманенный её ласками Влад тяжело засопел и, словно ребёнок, слепо ищущий

щий грудь матери, потянулся к её губам. Дарья уклонилась от его поцелуя. Влад открыл глаза и столкнулся с тяжелым взволнованным взглядом взрослой, трезвомыслящей женщины.

– Влад, – её голос показался ему тоже неестественно повзрослевшим и оттого чужим. – Ты меня любишь?

Вопрос скорее риторический, но от этого не менее неожиданный. Влад растерянно захлопал трусливыми глазами. Ну, зачем она это спросила? Зачем спросила именно сейчас, когда он ещё не знает точного ответа. В его словарном запасе просто-напросто не существовало этого коварного сочетания из трёх простых, но так много означающих слов!

«Люблю, люблю!» – бешено разрывалось сердце.

«Не знаю, братишка», – не соглашался с ним рассудок.

Дарья была слишком дорога Владу, чтобы он мог позволить себе её обмануть.

– Я ещё сам не определился, – головокружительное отчаяние сковало его колючей проволокой вопиющей осторожности. – Боюсь ошибиться, боюсь ввести тебя и себя в заблуждение.

– Но когда ты поймёшь, ты мне скажешь? – её показное равнодушие скрывало за собой разочарование и влажную горечь, из-за его тактичного «нет».

Влад неопределённо кивнул. Ему показалось, что он спугнул свою жертву. Влад не ошибся, хотя она умело притворялась. Отчужденные глаза Дарьи отыскивали за его спиной неведомую никому, кроме неё, точку и в задумчивости на ней остановились.

Влад ласково погладил опустошённую ведьмочку по изящной впадине поясницы.

Дарья лениво перевела свой застывший в немом оцепенении взгляд на Влада и трагически-сладко улыбнулась. Она запустила пальцы в его густую шевелюру и медленно (ну совершенно по-ведьмински) накрыла его горьковато-тёплые губы своими.

Глава двенадцатая

Вечер среды. Спокойный, обволакивающий, тепловато-удушливый вечерок. С экрана старого телевизора, доброго друга каждой порядочной семьи, подтянутая дикторша (очаровательная, хотя и далеко не юная) с характерной профессиональной бесстрастностью чеканила уже приевшийся за день текст последних новостей.

– Завтра рано вставать, – строгий голос матери вывел Настеньку из задумчивости и заставил подняться с кресла. Смуглянка автоматически поцеловала мать на ночь, пожелала крепкого сна отцу и с небывалой покорностью отправилась в свою комнатку, всем видом давая понять, что очень устала и сейчас немедленно разберёт свою постель, чтобы упасть в её прохладные белоснежные недра. Упасть и забыться, отдаться чарующему Морфею и пробить в его плену до самого утра.

Настенька незаметно протасила в свою комнату серовато-молочный телефонный аппарат, плотно закрыла дверь и набрала нужный номер. Весёлый голос Дарьиного отца сообщил, что верной подруги ещё нет дома. Настя извинилась за поздний звонок и попросила передать, чтобы Дарья немедленно позвонила, как только соизволит вернуться.

Настя долго и сосредоточенно рассматривала свои миндалевидные розово-бежевые ноготки, потом прошлась по комнате взад-вперёд и взглянула на часы. Без пятнадцати одиннадцать, а Дашки всё нет. Укатила на гулянку со своим Владом и оставила Стаську мучиться от переизбытка информации. Уже стукнул третий час женской судьбы Настёны, а ей даже не с кем поделиться своими переживаниями. В голове метались сотни мучительных мыслей и чувств: от счастья и безмерной радости до сожаления и даже раскаяния. Чтобы убедить себя в том, что всё не так уж и плохо, Настя решила позаимствовать у матери из её неприкосновенных запасов грамм пятьдесят самогона, которые выпила залпом и, вытерев слёзы, вызванные горячительным напитком, стала ждать моментального результата. Но моментального ничего не произошло. Смятение ещё больше усугубилось невесть откуда взявшейся полуночной активностью. Настенька жаждала собеседника, советника, добрых утешающих слов, хотя чего доброго могла сказать ей Дарья, недолголюбивающая Санечку и неоднократно осуждающая Настю за её, тогда ещё мысленный, блуд?

«Но Дарья сейчас повизгивает в объятьях Влада, – мрачно подумала Настенька, сторающая от едкого одиночества и незаслуженной заброшенности. – И конечно же, ей сейчас не до меня».

За последнее время Даша сильно изменилась. Ушла в неизвестность, превратилась в сумрачную тень несуществующего бытия. Настенька с ужасом осознала, что теперь рядом с собой подругу не чувствует, не осязает её присутствия; прочное бестелесное «я» Дарьи её пустое инертное тело покинуло. Дашенька стала теперь другая, чужая и даже отчего-то неприятная. Настёна ломала голову над причиной возникновения этих таинственных метаморфоз, приписывала их к вспыхнувшей к герою-музыканту феерической любви, но почему-то не находила в этой любви ничего любовного. Чувства Дарьи, несмотря на их силу и глубину, были какими-то эфирными, граничащими с убийственным безразличием. В своей безумной любви Дарья была похожа на умирающего, неистово влюблённого в свою сладостно-греховную жизнь, но уже смирившегося с необратимым трагическим финалом.

Её нужно было спасать, но беспокойная Настенька была слишком поглощена собственными проблемами и переживаниями, чтобы отвлекаться на чужие, и нуждалась в помощи ничуть не меньше, чем её пасмурная подруга.

Отчего так пессимистично? Вот вам пример любви, неоднократно воспетой инженерами слова, выдающимися творцами-слагателями, любимцами муз, великими литераторами, романистами, поэтами и ещё многими другими достойными людьми. Любовь должна быть тожде-

ственна счастью, быть его сопутствующим синонимом (почему нет, если любовь взаимна и беспрепятственна?), должна пробуждать в любящей душе восторг, трепет, нежность, страсть, ликование, здоровую активность, альтруизм и прочее-прочее доброе и хорошее. Страшна та любовь, которая с самого своего возникновения лишена препятствий, развивается легко и быстро, не наталкиваясь на искусственно созданные помехи, не вымученная, не заслуженная, а потому токсичная, деструктивная, патологическая. Над влюблённой коалицией Дарья-Влад, Настенька-Сашок витал зловещий дух проклятой музыки, которая щедро одаривала своих подопечных чарующей гениальностью распада.

Гнусные мысли безжалостно добивали несчастную Настёну. Да что же плохого, собственно, произошло? Сашка был предельно нежен и заботлив, но всё это было похоже на один трудовой день из его обязательной рабочей смены. А где, спрашивается, непередаваемые ощущения и бурные эмоции?

Какие к чёрту эмоции, если он пишет песни всем пробегающим через его постель шлюхам! Ну, пусть не всем, и всё равно ведь пишет. Песни красивые, безусловно, а самое главное, что в своём коротком содержании они передают суть Сашкиной жизни. И эта суть примерно такая: сегодня Лиза, завтра Света, а послезавтра неплохо бы поменять позу. Фу, как мерзко! Как убого! Как грязно и избито!

По шаблонным представлениям наивной Насти чистая любовь (а её любовь была безоговорочно чистая, доверчивая и непорочная) не может быть такой тривиальной, такой обыденной, такой неодухотворённой!

Настенька закрыла лицо руками и отчаянно застонала. Гулкий её голосок потонул в осторожных ладонях, предусмотрительно изолирующих всякий шум, способный потревожить родительский сон. Мягкий треск телефона (Настенька предусмотрительно убавила громкость звонка по тем же причинам) заставил её вздрогнуть. Резким движением она сняла телефонную трубку и нетерпеливо приложила её к уху.

– Где тебя носит? – с лёту выпалила хриловатым шепотом Настя. – Сколько можно тебе звонить?!

– Что-то случилось? – удивлённо спросила Дарья, чувствуя, что Настёна вот-вот взорвётся от переизбытка разнородных чувств.

– Случилось! Мы с Сашкой... Ну, того... Короче, ты поняла...

– Поняла, – мрачно протянула Дарья и тут же прикрыла трубку ладошкой, чтобы не услышала мама. – Вы предавались любви в гараже, между делом выкуривая по сигарете.

– Угадала.

– Не угадала. Просто мы там были после вас. Накурили так, что дышать было невозможно, про всё остальное я уже молчу.

– И тебя волнует только это? – всхлипнула в трубку Настя икающим от волнения голоском. – Твоя подруга в кои-то веки стала полноценной женщиной, а ты...

– Ты не пила случаем? – перебила Дарья, придав своему голосу как можно больше суровости.

– Пятьдесят грамм для успокоения совести, – призналась Настя и как-то догадалась, что Дарья морщит нос. – Послушай, Дашка, как ты думаешь, я правильно поступила?

– Не знаю, – ответила подруга. – Ты, главное, никогда ни о чём не жалеешь. Сашка у нас мальчишка опытный. Лучше него не смог бы никто.

Настя прокрутила через себя слова Дарьи и, поняв, что они не лишены смысла, слегка воодушевилась.

– Главное, чтобы этот паршивый кобель тебя не обрюхатил, – не удержалась от искушения Дарья и добавила-таки и без того в несладкую бочку ложку отменнейшего дёгтя.

– Нет, ну ты просто невыносима! – жалобно простонала Настенька, странным образом почувствовав облегчение от едко-язвительной реплики подруги. – Всё вывернешь задом наперёд.

– Учю тебя премудростям жизни, – тёплым усталым голосом ответила Дарья.

– От тебя веет умиротворением и здоровым счастьем, – отметила чуткая Настя, и лицо её невольно растянулось в мечтательной улыбке.

– О да. Жизнь не перестаёт радовать меня милыми сюрпризами.

– Жизнь или Влад? – уточнила Настя.

– И то, и другое. Он посвящает мне песни и влюбляет в себя ещё больше. Господи, Стаська, если бы ты только слышала эти песни. Эффект наркотического экстаза, не меньше. Я пьянею от них, он меня ими зомбирует. Никогда не думала, что способна вдохновлять человека на такие шедевры! – восторженно-одухотворённо воскликнула Дарья. – У нас с Владом сейчас такая замечательная пора в отношениях! Такое эдемское счастье! Такое чувство, будто у нас с ним медовый месяц. Даже не верится, что несколько дней назад я с ним даже разговаривать не хотела.

– А вот у нас с Санечкой всё наоборот, – пожаловалась с тяжёлым грустным вздохом Настенька. – Сначала любовь до гроба, а потом...

– Что – «потом»?

– Ну, пока ничего, но какое-то предчувствие мучает, – призналась капризная кокеточка страдальческим голосом

– Стаська, спокойно, – скомандовала Дарья, и Настёна учуяла в её решительном голосе те самые генетически заложенные фельдмаршальские нотки. – У тебя просто депрессия. В конце концов, девственности не каждый день лишаешься. Сашка тебя не бросит, если ты этого, конечно, боишься.

– И этого тоже. Сама знаешь, у нас всё так спонтанно началось. Ни цветов тебе, ни серенад под балконом.

– Если ты будешь мечтать только об этом, то на всю жизнь можешь остаться старой девой.

– Старой девой? – с удивлением переспросила Настя. Удалила трубку от уха, пытливо посмотрела в её ровные дырочки (что она хотела там увидеть!), затем снова приложила к уху и несколько спокойнее повторила: – Старой девой? Ты сказала: «старой девой»?

Дарья, проигнорировав вопрос, сухо откашлялась в трубку.

– Нет, я не верю, – Настенька замотала тёмной головой. – Наша феминистка заговорила о горестях старых дев!

Дарья фыркнула в трубку, но предпочла ничего не отвечать.

– Да-а уж, искорежила тебя жизнь, – беззлобно заметила Настя, с радостью ощущая в себе прилив здорового легкомыслия и беспечности (воздействие алкоголя или влияние верной подруги?) – Ещё пару недель назад ты имела иное мнение по этому вопросу.

– Имела, имею и от своих слов не отказываюсь. Я слышу, ты взбодрилась. Значит, мой долг перед отчизной выполнен.

– Не хочешь ли ты сказать, что умываешь руки? – преувеличенно сурово поинтересовалась Настенька, которая ещё не собиралась прощаться и у которой было ещё много чего сказать.

– Именно, – легко ответила неблагодарная ведьмочка. – Устала, хочу спать. Между прочим, нам с Владом пришлось делать генеральную уборку гаража. После вас там был страшный кавардак. Не могу понять, как Сашок мог такое допустить: на его священном синтезаторе валялась смятая пачка из-под сигарет, а высыпавшаяся табачная шелуха – ты не представляешь! – забила между клавишами! – с театральным ужасом воскликнула Дашенька.

– Интуиция мне подсказывает, что не только уборка гаража заставила вас с Владом задержаться допоздна, – скабрезно заметила Настёна и, не дав подруге возможности оправдаться (или, может, похвастаться), добавила: – Ладно, иди дрыхнуть, нытик! Отпускаю!

Настя снисходительно улыбнулась и царственным жестом опустила трубку на рычаг.

Глава тринадцатая

– Ты знаешь, какое сегодня число? – метался по квартире Влад, на ходу натягивая на себя брюки (брюки он надевал в исключительных случаях).

– Какое? – спросил Сашка, равнодушно следя за суетливыми перебежками приятеля.

– Месяц сегодня, – вынырнул из комнаты Стас с сигаретой, зажатой между тонкими пальцами. – Уже всю голову мне пробил, пожаловался он.

– Месяц? – переспросил Сашка и тут же хлопнул себе по лбу. – Точно! Мы же с ними познакомились месяц назад.

– Вот-вот, – вздохнул Влад, на секунду останавливаясь и прекращая свою бестолковую беготню. – Я бы и не вспомнил, если бы не мой отец.

– Отец? – удивился Сашка, не уловив никакой логики между этими двумя понятиями.

О чудесный спаситель, Илья Воинов, наградивший своих сыновей брутальной красотой! Дивный человек, с ранних лет воспитывавший в детях мужскую изворотливость. Даже его прозорливая жена не раз шла на поводу его изысканной предусмотрительной лести. Он бы многому ещё сумел научить своих драгоценных мальчишек – житейской мудрости, праведной лжи и прочему-прочему – если бы не его больное сердце, которое уже сейчас холодным своим стуком отмеряло последние дни его вольной жизни.

– Да, – подтвердил Влад, глазами бегая по комнате в поисках неизвестно чего. – Не помню, как зашёл разговор, но он мне вдруг сказал, что женщины помнят всё: день знакомства, день первого поцелуя и тому подобную чепуху. И если мы настроены удержать их около себя, то тоже обо всём этом должны помнить. Вообще, женщины все такие символистки! – с горечью воскликнул Влад. – Помнится, Эльвира однажды устроила мне грандиозный скандал, когда я... – он запнулся и неприятно поморщился. – Ладно, это всё дрянь. У меня тут другая беда, – фыркнул Влад, пальцами расчёсывая свои волосы. – Послезавтра у Дашки «днюха»!

– Весело, – мрачно покачал головой Сашка. – А мне она ничего не сказала, даже Стаська словом не обмолвилась. Что же я один, как дурак, без подарка?

– Лучший подарок она получит от отца – тачку, так что мы со своими мелочами в пролёте.

– А что за машина?

– «Жигули» какие-то, – Влад запихнул деньги в карман и бросил взгляд в большое во весь рост зеркало в коридоре. – Модель точно не знаю. Послезавтра увидим.

– Круто, – вздохнул всеми позабытый Стас, задумчиво терзая в пальцах неподкуренную сигарету. – Мне бы так отец расщедрился.

– А тебе ещё учиться надо, – Влад взъерошил волосы брата и скомандовал Сашке: – Пойдём.

– Куда? – удивился тот.

– Как – куда? За подарком Дашке.

– А говорил: «в пролёте», – передразнил Сашка, нехотя оторвав пятую точку от дивана.

Он попрощался со Стасом, по-мужски крепко пожав его смугловатую руку, и вместе с Владом двинулся в путь.

– Как ты думаешь, что ей может понравиться? – озадаченно спросил Влад.

Они шли вдвоём по серой пыльной городской дороге, по щербатым плитам тротуара, давно уже нуждавшимся в починке. От узорчатых чугунных ограждений, отделяющих своим замысловатым плетением проезжую часть, пахло свежей краской. Встречный мужчина, уже с утра находившийся в лёгком подпитии, стал посреди дороги с сигаретой в зубах и теперь хлопал себя руками по карманам, видимо, в поисках спичек. Он окликнул приятелей и заплетавшимся языком попросил огонька. Сашок услужливо протянул ему присвоенную себе отцов-

скую зажигалку, выпустил отработанным щелчком пламя и, наспех выслушав витиеватые слова благодарности от забавного пьянчужки, пустился вдогонку за беспричинно спешащим Владом.

– Честно говоря, даже и не знаю, – сказал Сашок, нагнав товарища и продолжая прерванную беседу. – Но, что бы ты ни купил, приправь это цветами. Сам знаешь, как девчонки любят эти веники.

Влад немного задумался и понимающе кивнул.

– Ну а сегодня, что будем делать? – спросил он. – Вроде месяц, надо как-то отметить.

– Сводим их в «Лилию», – рационально заявил Сашка. – Посидим, расслабимся. Сам говоришь: все бабы – символистки. Девчонки обрадуются, конечно. Главное – внимание.

Разобравшись с планами на вечер, друзья приступили к штурму магазинов, размышляя на ходу, что можно подарить Дарье. Только не духи, нет, слишком обыденно; не косметику – в ней Влад совершенный ноль (эх, как жаль, что рядом нет отца, он бы уж помог в этом разобраться); впрочем, у Влада имелась приличная сумма, на которую он мог позволить себе купить нечто более ценное и изощрённое, чем летучий запах или недолговечная краска. Нутро музыканта, дегустатора изысканных созвучий, человека, звуками искущённого и ими наполненного, отправило необходимый сигнал в мозг и заставило принять единственно правильное решение. Взгляд наткнулся на красивый чёрный с серебристыми кнопками магнитофон (о, дивный звук, чудесная музыка, которые теперь будут ласкать маленькие девичьи ушки!). Японское чудо с английскими обозначениями на блестящей панели радостно сверкало и соблазняло переливающимися в свете весеннего солнца колонками.

– Берём! – решительно сказал Влад молоденькой продавщице в светло-серой униформе с белым воротничком.

Сашка схватился за сердце.

– Что ты творишь? – в отчаянии прошипел он. – Это же сумасшедшие деньги! Купи ей коробку конфет и ромашку, только, ради бога, не дари ей эту штуку! – Сашка дрожащим пальцем указал на магнитофон. – Лучше купи новую гитару, но только не выкидывай деньги на эту бабёнку!

– Не будь жмотом, доброжелательно улыбнулся Влад, жестом прося продавщицу упаковать покупку. – Дашка заслуживает намного больше, чем этот магнитофон. Почему я не могу сделать ей приятное, если у меня есть такая возможность?

Сашка в отчаянии пытался заламывать руки (выходило это смешно, впрочем, голубоглазый бес всегда старался исполнять исключительно комичные роли), он нервничал и злился, даже пытался закурить, однако же, продавщица (пухленькая невысокая блондиночка) вежливо напомнила ему, что здесь этого делать не положено, и Сашка был вынужден спрятать сигареты в карман.

– Ну, чего ты кипятишься? – миролюбиво спросил Влад, когда оба вышли из магазина и направились в сторону дома Воиновых. Влад бережно прижимал к себе коробку с подарком и теперь казался успокоившимся и удовлетворённым. – Знаю, что ты Дашку немного недолюбила, но это ещё не повод так злиться.

– Я не злюсь, – криво усмехнулся Сашок. – Просто ты сейчас глупость делаешь. Твоя Дашка – маленькая пиявка, стервоза и неврастеничка. Полбеда, когда ты тухнешь в гараже, мучаясь над очередным посвящением. У меня иногда мысль возникает, что нашу группу не «Нефертити» надо было называть, а «Дашенька», – Сашка пренебрежительно ухмыльнулся. – Теперь у нас каждая песня о Дашке. Но это ещё ладно. Хуже то, что ты сейчас в подкаблучника превращаешься, готового ради этой бестии всем пожертвовать. Это не по-мужски Влад. Это недостойно!

– Недостойно чего? – сухо спросил Влад, раздражаясь и мрачняя. – Или, по-твоему, было бы лучше всю жизнь оставаться безмозглым ветреником, кобельком и балагуром? – Влад явно

намекал на особенности Сашкиного поведения. – Нет, приятель, взрослеть надо, меняться, становиться серьезнее.

– Всё, брейк, – ответил Сашка, ощутив в их разговоре первые повышенные нотки. – Каждый за себя. У меня своя точка зрения, у тебя – своя. На этом и разойдёмся.

Они действительно разошлись. Сашка отправился домой к себе, Влад – к себе. Им обоим предстояло собраться с мыслями и духом, чтобы подготовиться к предстоящему вечеру. По крайней мере, готовился Влад, готовился он морально и физически, тренировался перед зеркалом, репетировал подготовленную речь и планировал своё феерическое выступление. Свою знаменательную речь, которая, конечно же, разозлит Сашку, обрадует Дашеньку и станет значимым рубежом в его, Воиновской, жизни.

Влад предчувствовал счастье, предчувствовал его, безусловно, ошибочно, но подобные заблуждения свойственны людям влюбленным, а потому наивным и доверчивым. Влад чётко видел, что подходит к порогу новой жизни, более осознанной и ответственной, закрывая дверь в жизнь прошлую, в которой свободолюбивый Сашка предпочёл задержаться, как выяснилось впоследствии, на очень много лет.

Предвкушение счастья трепало нервы и вызывало лёгкий зуд в музыкальных пальцах, жаждущих тревожного колыхания струн. Но нет, Влад сегодня не собирался брать гитару в руки: боялся увлечься и забыться в объятиях эфирной Неферии, оставив без внимания Неферию материальную и осязаемую.

Вечер подкрался быстро и незаметно. Влад позвонил Сашку, сказал, что сейчас к нему заскочит, чтобы потом вместе отправиться на свидание.

Внутри что-то дрожало и дёргалось, что-то зловещее и холодное. Сашка был бодр и весел, об утреннем разговоре не вспоминал и казался весьма довольным жизнью, впрочем, он всегда был ею доволен, а все перепады его аристократического настроения объяснялись неутомимым актёрским духом, жаждущим сцены.

Будущие кумиры неврастеников, фетишистов, садомазохистов и прочих извращенцев встретили своих пассий в условленном месте и торжественно сообщили им, что идут в «Лилию», где будут праздновать первую знаменательную дату их совместной жизни.

– Мальчики, вы такие милые, – лепетала нежно-розовая Настя, жадно сжимая Сашкину руку. – Как приятно, что вы вспомнили.

Сашка приторно-сладко улыбнулся своей подруге, а Влад чмокнул Дарью в нос, который она хотела сморщить, но не успела.

На самом деле «Лилия», кроме своего исключительного символического оттенка и ностальгической знаковости не представляла ничего интересного и была похожа на душную, затуманенную табачным дымом тюрьму среди майской свежести и солнца.

Маленький альянс расположился за угловым деревянным столиком (тот, за которым они сидели ровно месяц назад, был бессовестно занят) и приступили к изучению меню. Остановились на десерте, коктейлях и мороженом (ох, уж эти безобидные тошнотворные сладости, которые почему-то так обожает женский пол).

Дарья много курила, Сашка много говорил, Настенька много смеялась, Влад много думал. Сумрачная «Лилия» дурманила, коктейль расслаблял, мороженое обжигало язык. Влад подозвал официантку и потребовал шампанского. Буквально через секунду распечатанная бутылка «Надежды» стояла на столе.

Сашка рассказывал третий по счёту анекдот, подзадориваемый Настенькиным звонким смехом, Дарья сдержано улыбалась. Влад взял ложечку от мороженого и, требуя к себе внимания, постучал ею по бокалу. Все притихли и посмотрели на него.

– Я хочу кое-что сказать, – немного смутился Влад, выдержав торжественную паузу. Его чёрные глаза отливали желтоватым золотом в сумрачном свете лампы и казались огненно-зеркальными.

Сашка, сообразив, что Влад сейчас начнет извергать розово-пряную патоку, предусмотрительно натянул на своё лицо маску недовольства.

– Все вы прекрасно понимаете, по какой причине мы сегодня здесь оказались, – начал издали свою заранее подготовленную и тщательнейшим образом отработанную перед зеркалом речь Влад. – Помните тот столик? – указующий взгляд устремился в нужном направлении. – Мы пили водку, говорили всякие глупости, мой ангел недовольно фыркал весь вечер, – его глаза с лёгким доброжелательным укором уставились на Дашеньку. – И, конечно же, никто из нас не мог подумать, что это безобидное randevu принесёт столько перемен, столько впечатлений, столько нового и удивительного!

Дарья осторожно разглядывала Влада сквозь полуприкрытые ресницы, нежилась в бархатистых волнах его голоса и радостно-тревожно представляла себе окончание столь вдохновенной и пылкой речи. Настенька подперла рукой пылающую щеку и с детским восторгом, внимательно и сосредоточенно слушала Влада.

– Моя жизнь кардинально изменилась с того самого дня, – продолжал он. – Я стал совершенно другим человеком, – Сашка угрюмо кивнул в подтверждение его слов. – Только теперь, когда я тебя встретил, – Влад взял Дарью за руку и проникновенно заглянул в её тёплые, влажно-искрящиеся глаза, – я понял, что никогда и никого так не любил, никогда и никем не был так серьёзно увлечён. Ты – мой самый дорогой человек на земле. Я тебя очень люблю, безумно люблю, неизлечимо!.. Для меня ты – единственная женщина на свете, одна ты, только ты и никого кроме тебя!

Голос Влада утонул в торжественной тишине, которая была прервана аплодисментами Насти.

– Горько! – заорала она, умиленно ощерившись. – Горько-о!

Дарья залилась румянцем, потупив свой девственно-смущённый взгляд. Влад, нежно улыбаясь, влюбленный, одухотворённый, откровенно счастливый, ласково прильнул к ней. Обхватив её горячее пылающее лицо ладонями, он нетерпеливо прижался губами к её дивному рту, долго терзал её бледную розовость, восторженно изучая каждый миллиметр разгорячённой кожи.

– Боже мой, как романтично! – протянула Настя и красноречиво посмотрела на Сашку: мол, один уже снизошёл до признания, когда же соблаговолит ваше величество?

Сашка демонстративно проигнорировал взгляд подруги, хотя на всякий случай ободряюще похлопал её по коленке, словно отвечая: «Не расстраивайся, и на твоей улице перевернётся фургончик с конфетами».

Дарья тем временем осторожно выскользнула из объятий Влада, крепко сжала его руки и истерическим шёпотом, интимным и осторожным, быстро сказала:

– Я тоже тебя люблю, очень-очень. Я ещё тогда тебе хотела сказать, в гараже, но испугалась, что ты моих чувств не разделишь, и предпочла промолчать. Мне тогда так страшно стало, когда я вдруг представила, что ты мои слова обсмеешь, неверишь мне, не воспримешь серьёзно!

Он обнял её, вздрагивающую и взволнованную, осторожную и пугливую девочку, и потечески поцеловал в макушку.

– Как же это красиво, Санечка, – задумчиво пробормотала Настенька с налётом беловинной зависти, наблюдая за бестолковой ребяческой возней Дарьи и Влада. Они то и дело перешёптывались, хихикали, вздыхали, тыкались губами друг в друга, неловко промахивались, выглядели смешно и глупо, а самое главное – были переполнены ни с чем не сравнимым счастьем, неизмеримым, уникальным, бесконечным (и это сказано не для красного словца, так оно взаправду и было).

Весь оставшийся вечер Влад и Дарья сидели, сцепив под столом руки, только изредка отпуская друг друга, чтобы выкурить сигарету или глотнуть коктейля. Под конец изрядно

захмелевшая Настя даже прослезилась, а разжалобившийся от спиртного Сашка начал её успокаивать. Затем они решили оставить влюблённую парочку наедине, а сами отправились в гараж для продолжения романтического вечера.

Уставшие, влюблённые, довольные Влад и Дашенька пристально разглядывали друг друга сквозь сгущающийся туман «Лилии». Влад был одурманен хмелем, жаждал любви и источал одержимость. Ему не хватало воздуха, и душа его нуждалась в самопожертвованиях, ему хотелось осыпать маленькую нимфу золотом своего влечения, своей страсти и одержимого фанатизма; ему хотелось вылечить её от хронического одиночества и здравомыслия, осыпать сладким призрачным счастьем, которым был переполнен сам и от которого не знал, куда деться. Ему была неинтересна та обыденная жизнь за пределами им выдуманного сказочного мирка, в котором он воздвиг хрустальный пьедестал зеленоглазой богине, такой холодной и такой недоступной. Ему было мало чувствовать её рядом, ему хотелось раствориться в ней, рассыпаться мелкими кристаллами в её голубой крови. Ему было отвратительно хорошо, как бывает хорошо алкоголику в момент сильнейшего похмелья завидевшего искрящийся бокал, наполненный холодным пенным пивом; или подсевшему наркоману в жесточайшей ломке, вводящему яд в изрешеченную вену.

Этот нежный яд сидел сейчас подле него, встряхивал лунными волосами и клялся в любви и верности.

Какой чудесный майский вечер! Какой упоительно-миролюбивый город! Какое чистое звёздное небо! Но на далёком северо-восточном осколке сине-чёрного небосвода просыпался Зверь, тот самый, что ожидал подходящего момента, что скрестил (для своей забавы) параллели изначально непересекающихся жизней; тот самый Зверь, тенью бродивший между живыми и светлыми, сеющий раздор и соблазняющий непогрешимых. Тот самый Зверь, что катает на своей мохнатой спине сладкоголосую Неферию, вечную мученицу, обезображенную проклятиями.

Гаснет свет в угрюмом гараже, замолкает перед новым аккордом гитара, замедляется ход истории, и добрый фотограф увековечивает светлые картинки прошлой жизни, чтобы воспитать на них новое, более выносливое поколение.

Глава четырнадцатая

Окно нараспашку, мягкий полуденный зной вливается с ленивой изнеженностью в освещённую ярким желтоватым светом комнату. Скрип дверей платяного шкафа. На кухне домашнему мелодично позвякивает посуда. Маргарита Воинова в цветастом фартуке с заколотыми на затылке каштановыми кудрями), накрашенная и благоухающая духами (она всегда следила за собой и даже к мусоропроводу шла как на парад), что-то хитренько нашептывала мужу, методично отсчитывающему спасительные капли «Корвалола».

Влад бегал по квартире, разыскивая нужную одежду, сшибал углы, зарабатывая лиловые синяки и веселя блаженно раскинувшегося на диване Стаса.

– Такое ощущение, будто тебе Нобелевскую вот-вот дадут, – шутливо сказал Стас, наблюдая за тем, как Влад поправляет воротничок своей белоснежной рубашки (в кои-то веки он надел на себя что-то светлое).

– Намного лучше, чем Нобелевскую, – Влад потрепал брата по голове и улыбнулся.

– Думается, ты скоро познакомишь её с родителями, а потом мы будем гулять на твоей свадьбе.

– Тебе лишь бы погулять, – проворчал Влад и спросил: – Сашка не звонил?

– Звонил, пока ты наводил марафет. Сказал, что зайдёт к Настюхе, а потом они вместе пойдут к Дашке, – Стас сознательно избегал называть Настю Стаськой, как звали её все остальные, воспринимая для себя подобную параномазию оскорбительной.

– Отлично, – Влад бросил взгляд на аккуратно зачёсанные волосы брата и начищенные ботинки, которые он уже успел натянуть на ноги. – А куда это ты намылился? – тоном строгого воспитателя спросил Влад.

– А что, только тебе можно развлекаться? – фыркнул Стас и скрылся в их общей с Владом комнате.

– Не ходи обутым по ковру! – крикнул Влад, забежал на кухню, чтобы выслушать последние напутственные слова матери и одобрение отца, после чего, прихватив с собой подарок и свежий праздничный букет, помчался к своей Дашеньке.

У её подъезда стояла новенькая «шестёрка». Белоснежная, дьявольски хорошенькая, с кристально чистыми стеклами, приятно пахнущая новизной. Холодный взгляд её потухших фар задумчиво пронзал разряженный воздух.

Дело было сделано. Катафалк судьбы с прохладным равнодушием ожидал свою новоявленную хозяйку. Призрачная тень Зверя вместе с Владом разглядывала тольяттинское чудо, разыгрывая в голове различные комбинации, так и эдак пристраивая в заготовленный расклад белокипенную игрушку.

Наглядевшись на машину и оставшись довольным, Влад с молодецким задором вбежал в серо-сумрачный подъезд и, перешагивая через две ступеньки, взлетел на пятый этаж.

Зеленоглазая Грэтхен, прохладно-сладостная, как сливочное мороженое, страстными объятиями встретила своего рыцаря и незамедлительно впилась в него бледными губами. На ней было чудесное льняное платье, нежно-бирюзовое, с серебристыми кнопками на воротнике и дивными соблазнительными разрезами по бокам. Лаковые шелковистые волны свежесмытых и завитых волос пахли шампунем и парфюмерией. Влад моментально зарылся в эти волосы и одной рукой, отягощённой свежим, влажным, ароматным розовым букетом, обхватил тонкую изящную талию. В другой руке у него была коробка с магнитофоном. Дарья отстранилась от Влада и с ребячьим восторгом выхватила подарок.

Магнитофон источал смесь высокотехнологических запахов пластмассы, краски и целлофана. Дарья засунула нос в коробку непонятно зачем, если можно было просто от неё избавиться – и лучезарно захохотала. Влад не успел прийти в себя после её страстного приветствия,

как новорожденная Неферия принялась осыпать его очередной порцией ласк, на этот раз благодарственных. Воротничок его рубашки был незамедлительно расстёгнут, шея постепенно приобретала розовато-лиловую окраску – следы порочных свирепых поцелуев. Влад уже начал терять контроль над собой и своим легковоспламеняющимся телом, как Дашенька (взбалмошный ребёнок!) оторвалась от него и расстроено протянула:

– Чёрт возьми, у меня же нет ни одной кассеты, только виниловые пластинки.

– Пусть будут пластинки, задыхаясь, прошептал Влад, дрожащими руками пытаясь забраться в вырез её порочно-рокового платья. – «Роулинг Стонз», «Аэросмит», не помню, что ещё там у тебя есть.

Даша, смеясь, оттолкнула его, полыхающего и мучимого собственной похотью, и приняла серьёзный празднично-суетливый вид.

Она спросила, видел ли он её новую машину. Влад утвердительно кивнул и в красках описал свой восторг по поводу этого подарка. Счастливая ведьмочка расплылась в довольной улыбке и тут же попросила Влада поставить «шестёрку» на стоянку, дабы «малышка» (Даша с мальчишеским обожанием называла свою машину малышкой) не соблазняла их (в недалёком будущем пьяных и отчаянных) попутным ветерком и лихой ездой. Полуголодный, одурманенный её розовым телом и добрым настроением Влад не посмел ей отказать: вернулся домой, чтобы взять права, и с торжественным волнением (боже, девочка доверила ему свою драгоценнейшую игрушку!) погнал автомобиль на стоянку.

Когда Влад вновь очутился в квартире своей прелестницы, Дарья уже была не одна. Вместе с Настёной она суежилась на кухне и очаровательно смеялась, когда подруга интимным шёпотом сообщала ей очередной девичий секрет на ухо.

Строптивый Сашок безмятежно курил на балконе, наслаждаясь видом на детский парк, расположенный сразу за домом Даши. Влад присоединился к нему. Выслушав траурную речь приятеля о начинавшем давать сбои синтезаторе (сколько можно безнаказанно резвиться в гараже!), Влад выкурил сигарету, поделился впечатлением о новой машине Дарьи («Женщина за рулём страшнее болонки в собачьей упряжке», – мнение Сашка), и после этого оба героя-любownika вернулись в комнату.

Стол уже был накрыт, аромат жареного сочного мяса приятно щекотал ноздри. Разрумянившаяся Дашенька раскладывала вилки и ножи, Настя в коротком джинсовом сарафане в оборках сидела в кресле, лениво покачивая ногой, грациозно закинутой на другую ногу.

– Прошу к столу, – торжественно объявила Даша, и все дружно принялись рассаживаться.

– Чувствую, вы останетесь у меня на ночь, – сделала вывод после третьей рюмки именинница, окинув хитрым, осоловело-блуждающим взглядом всю честную компанию.

Сашка и Настя демонстративно опустили головы (невинные создания!), Влад недвусмысленно подмигнул.

Вопросительных ноток в её голосе не было, скорее приглашающие. Девушка предусмотрительно отправила родителей на дачу, пообещав им хранить и оберегать квартиру от порока и потасовок.

– Молчание – знак согласия, – подытожила Дарья. – Я не возражаю, только с одним условием: завтра утром вы поможете мне привести квартиру в божеский вид.

– Да она, вроде бы, и так неплохо выглядит, – осмотрелся по сторонам Сашка и сделал соответствующий вывод.

Но не прошло и часа, как всё было по-другому.

Мик Джаггер разрывался в очередном своём ударном хите, девочки выступали против мальчишек в драке подушками, пьяный смех сменялся озорными боевыми кличами; запрет курить в комнате был единогласно забыт после первой бутылки. Сизый дым повис густым туманом, наполнив праздничную арену мягким ощущением интима и вседозволенности.

Восхитительное платье Дашеньки (о, сколько ещё слёз будет пролито при воспоминаниях об этом платье) быстро измялось от энергичных игривых движений, влажное её разгорячённое тело представляло собой желанную мишень для бесстыдного вожделения Влада. Ему не терпелось продолжить начатое более двух часов назад, когда маленькая фея встречала его с жаром и восхитительной пылкостью, и когда он готов был отдать всё на свете, лишь бы Сашка и Стася (да простят они его за эти мысли) не пришли.

Треск телефонного аппарата спугнул торжество, и друзья вопросительно переглянулись.

– Родители! – выкрикнула Даша, подлетая к телефону, в то время как Настя ринулась к проигрывателю, чтобы уменьшить звук.

Оказалось, не родители. Воинов-младший решил уделить внимание будущей родственнице (так бы оно и было, не проснись чёрный Зверь) и поздравить возлюбленную своего брата. Коварная ведьмочка, не назвав имени своего собеседника, загадочно поблагодарила его, кокетливо назвав «милым» и «ангелом» (уж ангелом-то она никого не называла, даже Влада). Даша шутиливо флиртовала с невидимым собеседником, Влад шутиливо бесновался и ревновал. Любительница сцен Настенька радостно повизгивала и толкала локтем улыбающегося Сашку.

Пустословный треп закончился, Дарья положила трубку и, подперев бока руками, сказала:

– Отгадайте, кто звонил?

– Полагаю, что не мама, – не без ехидства ответил Сашок.

– Язва! – Дарья подобрала с пола бесхозную подушку и запустила ею в Сашку.

– Ну, и кто же? – нетерпеливо поинтересовался Влад, принимая вид свирепого Отелло.

– Да братец твой, – ответил вместо Даши Сашка, ловко увернувшись от летящего снаряда. – Ты смотри, Владюха, как бы ни увёл родственничек твою же кобылочку в своё стойло.

Настёна шутиливо хлопнула ненаглядного по беспутным губам. Дарья отнеслась к реплике Сашка с миролюбивой терпимостью.

– Сашка угадал, – ответила она. – Это действительно был Стас. Только вот насчёт кобылки не уверена. У него там, по-моему, и без того дело идет неплохо. По крайней мере, я отчётливо слышала женский смех, проскальзывающий сквозь музыку.

– Растёт поколение, – с преувеличенным драматизмом протянул Сашка. – Нашему несмышленишу уже скоро семнадцать стукнет.

– Чур, на философию не переходить, – моментально оживилась Дарья, делая Сашке замечание. – Мы ещё слишком мало для этого выпили.

– Так что же нам мешает? – равнодушно пожал плечами Аполлон, покосившись на ломящийся от выпивки и закуски стол.

Действительно, что могло бы помешать им, молодым и беспечным, радоваться сегодняшнему дню, предаваться беззаботному веселью и наслаждаться обществом друг? Они упивались своей молодостью с тем завидным легкомыслием, на которое только способны люди романтические, не отягощенные житейскими проблемами, порхающие в луче обманчивого света мотыльки, безрассудно кидающиеся в огонь. Безрассудство и легкомыслие – неотъемлемые элементы любовной дури, разрушающие мозг, как и любой другой наркотик. Доза запредельная, ещё немного и передозировка обернется летальным исходом. Однако же, каким блаженным!

Алкоголь будоражил кровь и требовал выхода энергии. Сашка и Настенька, воровато оглядываясь на увлечённых друг другом Влада и Дашу, прокрались в спальню.

– Они нас опередили, – хрипло прошептал Влад на ухо своей нимфе, заслышав осторожный скрежет ключа в запираемой двери. – Теперь не выйдут оттуда до утра, и ничем их не выманишь.

– Пускай, – Даша с силой навалилась на своего полубога, пытаясь свалить его на диван (он был сложен, а, следовательно, узок и неудобен для любовных игр). Влад ловко извернулся, и

Дашутка, сверкнув белыми ногами, сама же свалилась на податливую мягкость дивана. Её падение сопровождалось восторженно-испуганным вскриком, на который немедленно отреагировали Сашка и Настя, возмущённо забарабанив в смежную стену.

– Сделай музыку громче, – попросила Дарья хриловато-низким от обуявшего её вожделения голосом. Влад послушно подошёл к проигрывателю. Не отрывая жадных глаз от обольстительной нимфы, плотоядно поглаживающей свои атласные ноги, он одной рукой нащупал колёсико громкости, другой – нетерпеливо терзал непослушные пуговицы на рубашке.

О дивная снежная королева! Свежая и холодная, как апельсиновый сок. Влад сейчас не мог понять, как всё это время жил без нее. Месяц неземного блаженства, раболепного благоговения перед этой двадцатилетней ведьмочкой, с туманным изумрудным взглядом, перечеркивал напрочь всю его прежнюю жизнь, предавал её неблагодарному забвению, и Влад с трудом мог вспомнить те события, которые происходили с ним до появления этой женщины. Глиняная статуэтка, чопорная принцесса, страстная внутри и холодная снаружи. Дьяволица, раздирающая в кровь его сильное тело во время любовной пляски, она была немногословна и инертна в повседневной жизни. Он любил её робкие поцелуи при свидетелях, вороватые осторожные прилюдные объятия и с неистовой болью напряжения ожидал уединения, чтобы испытать на себе садистские вспышки плотоядной страсти, которые изливались из неё за пределами чужих взоров.

Влад знал, что никогда и ни на что (а уж тем более ни на кого) свою чудную мэдхен не променяет, будет её верным псом даже тогда, когда она потухнет, и чувства её к нему остынут. Он боялся этого больше всего на свете, но неотвратимо понимал, что именно так оно и случится. Он будет любить её вечно, потому как возвышенная и неземная любовь его останется жить и после него.

Но об этом он сейчас не думал. Перед его глазами стояло лишь дивное очертание белых ног. Завитые волосы, рассыпались по диванной плоскости; райская прохлада благородного женского тела с изящными изгибами и сладостно-упоительными возвышениями заманчиво притягивала, блистая своей досягаемостью, доступностью, нетленностью. Бог вездесущий, кто бы мог подумать, что эта чудесная сказка так быстро закончится!

Глава пятнадцатая

Вот оно, свершилось! То, чего Сибирцев А.А., двадцатилетний студент четвёртого тягостного курса, с неполным музыкальным образованием и неблагоприятным, но как всё неблагоприятное, сладостным прошлым, боялся больше всего на свете и соответственно меньше всего хотел. Драгоценнейший Влад, связующее звено, фундамент и каркас для грандиозного сооружения, приговорённый жених своей давно истлевшей возлюбленной, в самый ответственный момент их маленькую, но очень дерзкую лодку решил покинуть. Предатель, подлец и пустозвон (здесь Сашка употребил другое слово, но вследствие его морально-низкого звучания, мы его опустим)!

Сашка сел в старое кресло (боже, сколько людей возлагало свои ценнейшие филейные части на этот зелёный островок блаженства!) и вытянул длинные ноги. Его рассеянный взгляд последовательно изучал унылые стены гаража, но, наткнувшись на обожаемую «Ямаху», Сашка расплылся в довольной улыбке, и настроение заметно улучшилось. Сашка называл «Ямаху» единственной женщиной в своей жизни, впрочем, как и любой женщине, он ей впоследствии неоднократно изменял, но всегда к ней возвращался, даже когда она совсем состарилась и занемогла.

На втором почётном месте после белоклавишной принцессы стояла маленькая амазонка Настенька. Доступная, слишком земная, а поэтому ограниченно-интересная. Сашок не мог быть приземленным, не мог ограничиваться, он был весь пронизан искусством и ни на секунду не переставал играть. И если не было рядом синтезатора, и он не мог в силу обстоятельств исполнять чудесные партии, тогда он просто играл собой, собственным телом, собственной душой, каждый раз создавая новый образ (вечный клоун, неисправимый арлекин), нужное настроение, страсть, печаль или радость, в зависимости от той роли, которую он на сегодняшний день выбрал.

Сашка закурил и лениво посмотрел на часы. Опаздывают братцы-Воиновы, совсем от рук отбились! Ладно, неважно. Всё это как-то незначительно и глупо. Гораздо серьёзнее другое. Гораздо страшнее то низкопоклонство, раболепие и всё деморализующее и унижительное, чем в последнее время стал руководиться обезумевший от любви Влад, превратившийся в сладкое пюре, в которое его зеленоглазая русалочка окунала свои белые пальчики и затем жадно их облизывала.

«Мы его теряем», – шутливо говорил про брата Стас. И это была правда. Рано или поздно, но это случилось бы, но всё равно грустно. Теперь Влада можно увидеть только на занятиях и репетициях, всё остальное время он проводил с Дарьей.

Безмолвный траур. Влад уже чужой, уже несвободный. А Стас ещё мальчишка и достойную замену брату пока составить не может.

А, следовательно, Сашка остаётся один, призрачный герой их священной лиги.

Нет, не один, конечно. Влад жив и здоров (какое зыбкое утверждение) и пока ещё рядом. Есть ещё Настя, но она женщина (этим всё сказано), и это совсем другое. Безусловно, хорошо, что она есть, без неё было бы скучно, но и помимо неё хотелось чего-то.

На этой мысли Сашке пришлось остановиться, потому что наконец появились Влад и Стас.

– У нас для тебя такие новости! – Влад пожал в знак приветствия Сашке руку и закурил. – Думается, наша «Нефертити» отправится бороздить просторы большой публики, – витиеватый жест рукой.

– С чего вдруг? – насторожился Сашка.

Стас перехватил у брата сигареты и сказал:

– Помнишь Родку Майского?

– Ещё бы, – презрительно фыркнул Сашка. – Три года на одной площадке жили. Тот ещё тип.

– Этот тип может нам помочь, – перебил Сашкину тираду Влад. – У него есть хорошие связи и неплохие возможности.

– Туманные перспективы, – протянул недовольный Сашка, поморщившись от нахлынувших воспоминаний, связанных с мерзопакостным Майским. Дивное отрочество самолюбивого Аполлона было бы намного приятнее вспоминать, не вмешайся в него дерзкий, тупоголовый (личное мнение Сашка) Родион. Кстати говоря, та самая приобретённая и прославленная горбинка на греческом профиле Сибирцева появилась в результате хитросплетений неутомимого Майского. Исключительно благодаря его умению строить козни и плести интриги, Сашок попал в пренеприятнейшую ситуацию, из которой вышел с великим трудом и потерями в виде перебитого носа.

– Вовсе нет, – отрезал Влад. – Похоже, он и в самом деле может нам помочь. По крайней мере, у него есть нужные знакомые в городских забегах.

– Представляю нашу «Нефертити» в забегах, – с горечью сказал Сашка.

– Не будь таким привередливым, – Влад донёс своё тело до высокого стула и с удовольствием на него обрушил. – Или ты думаешь, что все известные музыкальные идолы начинали с концертных залов?

Сашка так не думал, но в тайне надеялся, что их «Нефертити» ожидает более удобоваримый и менее униженный старт.

– Ну, хорошо, – скрепя сердце ответил Сибирцев, безжалостно раздавив ни в чём не повинную сигарету в жестяной банке. – А чего этот хмырь хочет взамен?

– Выступить с нами.

– О боже, – простонал Сашка, чувствуя, как настроение упало ниже предела.

– Не усугубляй ситуацию, – раздражённо фыркнул рассудительный (и у кого он этому научился?) Влад. – Нам нужен барабанщик, а Родька как раз спец по этому делу. А если он ещё протащит нас вверх по лестнице... – Влад вздохнул. – Знаешь, Сашок, иногда приходится чем-то жертвовать.

– Жертвовать, – передразнил недовольный Сашка. – У нас пока не так много всего, чтобы им ещё и жертвовать. Этот уродливый фраерок!.. – у Сибирцева была по этой теме очень эмоциональная, преимущественно негативная речь. О Родионе он мог бы сказать многое, но суровый взгляд Влада заставил его отложить свою просветительную деятельность на неопределённое время.

– Ну ладно, – смиренно махнул рукой Сашка. – И когда он собирается навестить нас?

Влад взглянул на часы.

– Через пятнадцать минут.

– Отлично, – проворчал Сашка с досадой. – Спасибо, что вовремя предупредили, хотя могли бы этого и не делать, раз уж без меня всё давно решено.

Влад равнодушно пожал плечами: мол, не мы такие, а жизнь такая.

До прихода Майского ребята успели выкурить по сигарете, Сашка даже сумел взять себя в руки и смириться с ситуацией. Правда, поставил друзьям условие: если Родька скажет хоть слово поперёк «Нефертити» – гнать его в шею. Влад и Стас согласились.

Наконец появился Родька. Этому «типу» не так давно стукнуло двадцать. У него были тёмно-русые, короткостриженные волосы и немного выступающая вперёд нижняя челюсть – признак тщеславия и заносчивости. В остальном он был каким-то непримечательным и невыдающимся: средний рост, обычное телосложение, хотя что-то, безусловно, в нём привлекающее имелось. Вот чего в Родионе было предостаточно, так это самолюбия. Даже Сашку, неистово в себя влюблённого, он перещеголял. Впрочем, чувствуя своё шаткое положение в «Нефертити», Родька не выпендривался. По крайней мере, пока не взял дело в свои руки.

Родион понаблюдал за репетицией, сидя в любимой Сашкином кресле (вот сволочь! даже по этой мелочи можно понять, что он генетически сложившаяся сволочь), послушал песни и одобрительно кивнул. Влад и Стас вздохнули с облегчением: Родька не сказал ничего против «Нефертити», и у Сашки не было повода, чтобы дать ему пинка под зад. А значит, всё пока идёт по плану.

Больше, чем по плану. «Нефертити» наконец-таки собралась воедино; единственный и неизменный её состав был в сборе и официально закреплён дружеским рукопожатием всех четверых музыкантов.

– Придётся немного потесниться, – сказал Влад после того, как договорённость была найдена. – Синтезатор нужно будет поставить ближе к стене, а сзади поставим барабанную установку. Полагаю, завтра этим можно будет заняться.

– Отлично, – потёр руки довольный Стас. – Дело начинает пахнуть профессиональной музыкой.

Сашка бросил на него быстрый уничижительный взгляд, однако же проявил благоразумие и от комментариев воздержался.

– Может, отметим как-нибудь начало нашего сотрудничества? – ненавязчиво предложил Родька.

– Я пас, – быстро сказал Влад, посмотрев на часы. – Меня уже Дашка наверняка зажда-лась.

– А вы, ребята?

Сашка и Стас растерянно переглянулись и пожали плечами. Высокомерному Сашке претило пьянство и чревоугодие в обществе ненавистного Майского, но слабый до кутежа вольнолюбивый организм требовал разгульного веселья, скабрёзных шуточек, пьяных споров и новых знакомств (да простит Настенька, но такие люди, как Сашок, остаются по выражению Влада «вечными кобельками»).

У Стаса же вообще никаких сомнений по поводу «идти – не идти» не было. Мальчишка просто боялся негативной реакции старшего брата. Остаточный страх перед вездесущим Владом вспыхивал по старой привычке, на самом же деле с появлением Дарьи интерес Воинова-старшего к воспитательному процессу заметно поугас. За это Воинов-младший готов был расцеловать зеленоглазую бестию и соорудить ей памятник, впрочем, с неё было достаточно и одного Воинова, безмерно влюблённого и патологически её боготворящего.

– Ну вот и отличненько, – потёр ладони Родька, приняв затянувшееся молчание за согласие.

– Ладно, – махнул рукой Влад. – Развлекайтесь. Я пошёл.

Воинов-младший, Сашка и Родион отправились к неизвестному приятелю последнего, вознамерившемуся устроить уюмопомрачительное «пати» (так выразился Родион) с традиционной выпивкой, закуской, бренчанием гитары (вот тут-то Стас предполагал себя проявить) и, разумеется, юными красавицами.

Двадцатиминутная прогулка сопровождалась неиссякаемым потоком сплетен, источаемых Родионом. За это Сашка больше всего ненавидел выскочку: язык у него был без костей и приносил окружающим немало проблем. Так что к концу его откровений Стас и Сашок были хорошо осведомлены по вопросам незапланированных беременностей, случайных венерических «ветрянок», уголовных правонарушений и прочих неприятностях, поразивших его, Родионовское, общество. Он знал обо всех связях, порочных и криминальных, обо всех тайнах, чужих и только чужих (!), и готов был раскрывать их всем подряд под маской уважительного доверия (ведь это, разумеется, останется между нами). Во всём остальном Родион был вполне даже сносен, умел весело проводить время и, несмотря на своё языкоблудие, имел множество друзей.

Квартира таинственного приятеля (его мать забавлялась с его же одноклассником, а сам он месяц назад едва не попался с анашой) была наполнена пьяными, беснующимися студентами, мешающими водку с пивом, сигареты с травкой, гитару (какое кошунство!) с магнитофоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.